

Л
Ю
Т
Т
О
Л
И

ПАВЛОВСКИЙ ВАЛЬС

ВОЛШЕБСТВО ЛЮБВИ
НА ФОНЕ ВОЙНЫ И ПРЕДАТЕЛЬСТВА

СЕРИЯ "РУССКИЙ ЛЮБОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ

РОМАН ОТ ДЮТТОЛИ"

Люттоли

Павловский вальс

Серия «Русский любовно-исторический роман от Люттоли», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24729513*

Павловский вальс:

Аннотация

Граф Азанчеев приезжает на свою помолвку в музыкальный Павловск. Катарина, дочь бедного австрийского лекаря, влюбляется в него с первого взгляда. Она становится свидетелем помолвки графа Азанчеева и Анны Анчуковой. У Катарины нет надежды на взаимность, но она не может справиться со своими чувствами. Ночами она сидит на окне, смотрит на огни музыкального Павловска и представляет себя танцующей в паре с графом Азанчеевым.

Граф Азанчеев возвращается с войны и узнаёт об измене своей невесты. Он едет ночью в Павловск и застаёт невесту в объятиях любовника. Граф Азанчеев хочет убить обоих, но отступает когда слышит, как кто-то напевает «Павловский Вальс». «Павловский Вальс» подчиняет его своей воле. Он идёт на звук мелодии и видит очертания девушки. Девушка облеплена снегом и танцует одна на застывшем озере. Он слышит, как девушка обещает кого-

то любить всю жизнь. Не видя её лица, граф Азанчеев отдаёт девушке своё обручальное кольцо и уходит. Одержимый мстью, он решает купить себе жену на три месяца и с ней под руку явиться на свою свадьбу с Анной. Выбор падает на Катарину.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	49
Глава 10	54
Глава 11	64
Глава 12	68
Глава 13	75
Глава 14	83
Глава 15	91
Глава 16	96
Глава 17	102
Глава 18	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Люттоли

Павловский вальс

Санкт-Петербург. Васильевский остров. Апрель 1855 года.

Глава 1

– Спасите...убива...ю...т!

Вслед за истошным женским воплем, из-за угла Вознесенского переулка на Офицерскую улицу, вылетела корзина с цветами. Пролетев по воздуху несколько шагов, корзина ударилась об мостовую и поскакала дальше.

Вслед за корзиной, из-за угла вылетел Артур Астольц, очень высокий молодой человек с низко посаженными, бегаящими глазами. Астольц был облачён в мундир курсанта морского кадетского корпуса. Придерживая фуражку, он побежал по офицерской улице. Следом за ним, выскочил ещё один курсант, Андрей Акатьев, темноволосый, краснощёкий юноша среднего роста. Придерживая фуражку, он во всю прыть устремился за своим товарищем. Следом выскочил третий курсант, Никита Анчуков, невысокий полный юноша с круглым и весьма добродушным лицом. Тяжело дыша, он побежал вслед за первыми двумя своими товарищами. Следом за ними появилась встревоженная женщина в цветастом платье. Удивительно, но, совершив весьма непростое путешествие, корзинка, ни в какой её части не пострадала. Даже цветы оставались в корзине. Не успела продавщица обрадоваться, как колесо проезжающей кареты переехала корзину и покатилась дальше.

– Изверг! – закричала женщина и помчалась вслед за ка-

ретой. Карета остановилась. Женщина подлетела к кучеру. Между ними мгновенно завязался ожесточённый спор.

В это самое время произошло сразу два события: Никита Анчуков споткнулся и, растянувшись на мостовой, начал вызывать о помощи:

Первые два курсанта побежали назад. С криком: «Поднимайся, Никита», они подхватили его под мышки и потащили к ближайшему переулку с названием: «Прачешный».

Из-за угла выскочил четвёртый курсант, высокий светловолосый юноша с нежными, почти женственными чертами лица. Это был граф Пётр Азанчеев. Взгляд юноши буквально метал молнии. Он стремительно понёсся вслед за первыми тремя:

– Пётр! – раздался впереди взволнованный крик. Не выпуская из виду своего преследователя, первые трое курсантов исчезли в переулке.

– Лучше добровольно сдавайтесь! – заорал им вслед Пётр.

Пётр промчался мимо кареты, возле которой продолжалась ожесточённая перепалка, и со всей скоростью залетел в переулок. Здесь он остановился, а затем нырнул в арку под домом и вбежал во двор прачечной. Здесь он снова остановился. Не представлялось понять, что происходит впереди. Обзор закрывали ровные ряды свежевystиранного белья. Между рядами с бельём висел густой пар.

Недолго думая, Пётр нырнул под первый ряд с бельём и оказался лицом к лицу с... девичьей косой. Девушка стирала.

Руки проворно скользили по корыту с горячей водой, которое стояло на низеньком деревянном столике. Девушка даже не заметила его и продолжала стирать. Пётр незаметно обошёл девушку и нырнул под второй ряд с бельём. До его уха донеслось приглушённое хихиканье, а следом и шёпот:

– Пётр не найдёт нас здесь! Подождём, а потом выйдем.

Пётр устремил гневный взгляд в сторону доносившегося голоса, а следом, бесшумно начал продвигаться вперёд.

Все трое курсантов продолжали хихикать, когда перед ними внезапно появился Пётр. Мгновенно возникла мёртвая тишина. Но ненадолго. Никита Анчуков вышел вперёд и, выставив указательный палец в сторону Петра, как мог внушительно сказал:

– Анна, моя родная сестра. Я могу сказать о ней всё, что мне заблагорассудится!

Пётр спокойно огляделся по сторонам. Справа от него стояло корыто с замоченным бельём. Над корытом вздымались клубы пара. Он сорвался с места и подскочил к корыту, а в следующее поднял его и побежал с ним к тому самому брату Анны.

– Анна моя сестра, – закричал Никита и в то же мгновение завопил от боли. Пётр обрушил на него корыто с водой и бельём. Корыто с грохотом опрокинулось ему на ногу, оставив на голове дымящееся бельё. Пока Пётр расправлялся с братом Анны, оба остальных его товарища метнулись к верёвкам и исчезли.

– Труссы! – грозя кулаком, закричал им вслед Пётр. – Вы мне ещё ответите за все те мерзости, которые говорили о нас с Анной.

Пётр повернулся к Никите. Тот сидел возле стены и стоял, держась за правую ногу. По лицу и мундиру стекали струйки воды. Как ни странно, бельё всё ещё оставалось на голове. Пётр стащил бельё вместе с фуражкой. Потом отделил бельё от мокрой фуражки и водрузил её обратно на голову. Пока Пётр поправлял фуражку Никите, за его спиной бесшумно появились Андрей Акатьев и Артур Астольц. Оба сжимали в руках скрученное бельё, с которого стекали капли воды и подавали выразительные знаки Никите, прося завладеть вниманием Петра. Никита сразу смекнул, в чём дело.

– Пётр, прости меня. Я ведь не со зла...

– Успокойся, Никита, – остановил его Пётр, – я тебя больше не трону. Но, не смей никогда, никогда... насмехаться над Анной. За себя я прощу, а вот за Анну – никогда.

– Не буду, не буду, – ответил Никита. Как ни странно, он действительно доводился родным братом любимой девушке Петра. Заметив очередной жест за спиной Петра, Никита поспешно добавил. – Анна говорила, что собирается сегодня к Ольге Владимировне.

– К матушке? – Удивился Пётр. Он совсем не замечал опасность. – Матушка мне ничего не говорила. Да и Анна тоже... – в этот миг его атаковали, одновременно обрушивая на спину и голову град ударов скрученными простынями.

Пётр закричал от боли и отскочил в сторону, но удары продолжали сыпаться. Он вначале прикрывался руками, а потом резко рванулся вперёд и сбил с ног Артура. Этот ход внёс смятение в стан врагов и дал ему кратковременное преимущество. Изловчившись, он нанёс несколько сокрушительных ударов ему по лицу. В этот момент, Никита обхватил его сзади за шею руками и повалил на землю. Пока Пётр карабкался, пытаясь выбраться из цепких объятий Никиты, Акатьев без устали охаживал его простынёй. Потом и Артур снова поднялся на ноги. Удары с двух сторон посыпались на Петра с новой силой. Ну а поскольку Никита всё ещё держал Петра, доставалось и ему.

– Меня-то за что? – заорал Никита, выпуская из объятий Петра. Пётр откатился по земле в сторону и быстро поднялся на ноги. На какой-то момент драка затихла. С одной стороны стоял он, с другой стороны стояли три его товарища.

– Сигналим прекращения огня? – раздалось со стороны превосходящих сил противника. В ответ, Пётр потянулся к голове, но поскольку фуражку куда-то подевалась, он начал расстёгивать мундир. Он снял мундир и аккуратно положил на стол рядом с корытом. А потом с криком:

– На abordаж! – бросился на противников. Драка закипела с новой силой. Пётр получал удары с трёх сторон, но не отступал и орудовал кулаками так быстро, как только мог.

Раздались свистки. Невесть откуда появилась полудюжина жандармов. Драка всё ещё кипела, когда они бросились

разнимать курсантов. Пётр дрался, наклоняя голову, поэтому и не увидел, как между мелькающими простынями возникло лицо жандарма. Раздался хлёсткий удар и всё мгновенно затихло. Жандарм лежал на земле и не подавал признаков жизни. Товарищи Петра смотрели на него с ужасом. А сам Пётр смотрел на гневные лица жандармов. Потом посмотрел на того, кто лежал на земле и коротко спросил:

– В трюм?!

Когда жандармы вывели всех четверых из переулка, карета сбившая корзину с цветами уже уехала, а женщина с довольным видом пересчитывала деньги. Завидев курсантов, которых уводили жандармы, она радостно помахала им вслед рукой.

Ну и самое удивительное в драке между курсантами состояло в том, что все четверо слыли неразлучными друзьями. Четыре «А» – Азанчеев, Акатьев, Анчуков, Астольц. Именно так их называли остальные кадеты. Справедливости ради надо сказать, что у Петра Азанчеева имелось ещё одно прозвище, при упоминании которого он сразу приходил в ярость. И причиной тому стал преподаватель немецкого языка, почтенный Александр Прех. Пётр являлся наиболее любимым из его учеников, и это обстоятельство оказало последнему дурную услугу. Нередко в здании кадетского корпуса раздавался тонкий голос преподавателя немецкого.

– Гер Питер! Гер Питер! – именно так он зывал к Петру. В результате чего Пётр и получил прозвище «Гера».

Глава 2

Уже вечерело, когда «Дрожки» ведомые извозчиком в голубом кафтане выехали на Вознесенский проспект и показались в сторону Адмиралтейства, чей шпиль возвышался впереди. Спустя несколько минут, «дрожки» остановились у парадного входа красивого двухэтажного особняка с освещёнными окнами.

Заплатив извозчику положенные восемьдесят копеек, Никита чуть ли не бегом направился к парадному входу и затряс в колокольчик. Дверь почти тотчас же отворилась, и показался пожилой слуга в ливрее. Он так и застыл на пороге, узрев Никиту.

– Что с вами? – только и смог вымолвить обескураженный слуга.

– Дрался! – бросил Никита с важным видом.

Отодвинув слугу в сторону, он, не раздеваясь, побежал прямо в столовую. Стол уже был накрыт, но никого из семейства на месте не оказалось. Никита так проголодался, что никого не стал дожидаться. Он даже забыл фуражку снять.

Когда в столовой появилась его достопочтимая матушка, Перина Альбертовна Анчукова, Никита уплетал в обе щеки заливную рыбу. Перина Альбертовна представляла собой воистину образец красоты и изящества. Это была высокая светловолосая женщина с ярко голубыми глазами и повед-

ками светской львицы. Она обожала выставять напоказ любую, даже самую незначительную мелочь, если только эта самая мелочь характеризовала её с наилучшей стороны и всё происходящее воспринимала только с точки зрения отношения к ним высшего общества.

– Боже, Никита! – с ужасом оглядывая сына, вскричала Анчукова. В этом коротком восклицании, Анчукова выразила все чувства, которые она испытала при виде сына.

Следом за супругой, появился отец Никиты, Альфред Робертович Анчуков. Это был невысокий, лысоватый мужчина с брюшком пятидесяти пяти лет. Он был старше супруги на четырнадцать лет и составлял ей полную противоположность. Завидев Никиту, он вначале остановился, а потом удивлённо спросил:

– А почему у тебя фуражка грязная? И как ты можешь, есть с такой губой? Она же вздулась как яблоко.

– И это всё что ты можешь сказать? – гневно обрушилась на него супруга. – Нашего сына едва не убили, а тебя только фуражка интересует.

– Дорогая моя, – попытался было возразить Анчуков, но супруга и не собиралась давать ему спуска. И причина состояла не столько в Никите, сколь в постоянном желании воспитывать супруга, который на её взгляд слишком легкомысленно относился к престижу семьи.

Никита даже не собирался слушать, как его матушка отчитывает батюшку. Он уже давно перестал обращать внима-

ние на эти явления. Единственно его удивляло поведение отца. Тот никогда не перечил супруге. И это не зависело от сути вопроса.

В то время, когда Анчукова отчитывала супруга за опоздание к Коршуковым и почему-то при этом показывала рукой в сторону Никиты, в столовой появилась очаровательная молодая девушка. Это и была Анна, сестра Никиты. Ей только исполнилось восемнадцать лет. Анна заслуженно считалась одной из признанных красавиц высшего света. Всё в ней выглядело совершенным. Тонкие губы, обрамлённые нежными щёками, на которых играл лёгкий румянец. Ярко голубые глаза, обрамлённые длинными ресницами и изогнутыми бровями. Тонкая шея, обрамлённая русыми локонами. Даже родинка возле носа казалась идеальной. Исключение составлял разве лишь взгляд. В нём прослеживалась некая гордость за собственные достоинства. Впрочем, таким исключением страдали и прочие красавицы высшего света.

Едва появившись в столовой, Анна весело расхохоталась. Не переставая есть, Никита бросил на сестру недовольный взгляд.

– Кто это тебя так? – с любопытством поинтересовалась Анна.

– Кто ещё? Твой жених! – буркнул в ответ Никита.

Слова «твой жених» произвели на Анчукову ошеломляющее впечатление. Забыв о супруге, она гневно вскричала:

– Пётр Азанчеев? Граф Пётр Азанчеев? Это он тебя из-

бил? За что?

– Снова судачили о нас с Петром. За что ещё?! – вместо брата ответила Анна. – А я ведь предупреждала, говорила «не зли его», – напомнила брату Анна и с довольным видом продолжала. – Ты получил то, чего заслуживал уже давно. Ты даже не представляешь насколько приятно на тебя смотреть.

Никита хмыкнул.

– Ты бы посмотрела на Андрея Акатьева. У него нос круглым стал. А у Артура Астольца правый глаз заплыл, да так, что он всё время крутится, когда разговаривает. Ничего не видит. Пётр нам троим поддал, но и мы ему ввалили. У него вся рожа разбита. Только глазки и сверкают.

– Никита! Боже! Как ты разговариваешь? – ужаснулась Анчукова. – Это же язык торговцев и извозчиков.

– Ну если рожа разбита...чего тут красивые слова искать...

Никита откинулся назад и с удовольствием откинулся назад. В животе перестало урчать. Появились приятные ощущения.

– Он сильно пострадал? – с беспокойством спросила Анна.

– Да не особо, – лениво потянувшись, ответил Никита.

– И не стыдно вам? Втроём на одного?!

– Так его только так. Будто сама не знаешь?!

– Я пойду к нему...

Слова сестры вызвали у Никиты приступ смеха. Анну

разозлило, не то, что он смеялся, а то, что смеялся прямо ей в лицо.

– Я попрошу Петра, чтобы он тебе ещё поддал, – гневно пообещала Анна. Она не замечала обескураженный взгляд матери. Анчукова схватилась за руку супругу, и сделал вид, будто ей плохо. И всё из-за слова Анны «поддал».

– Сначала найди своего дорогого Петра!

– Что это значит? – нахмурившись, спросила Анна.

– То и значит, что не найдёшь его, – отдышавшись от смеха, но с откровенной насмешливостью ответил Никита. – Нас домой отпустили, а его в трюм поместили.

– Кто его поместил в трюм? – не поняла Анна.

– Жандармы. Они нас всех четверых взяли. Нас отпустили, а Петра в трюм.

Анчукова находилась в полуобморочном состоянии. Супруг усадил её в кресло и начал успокаивать.

– А почему Петра не отпустили? – спросила Анна.

– Он одному жандарму в глаз дал. Тот, брык, и на землю. Лежал как мёртвый, но потом очухался. Петра сразу под «склянку» сдали и в трюм.

– Какие ещё склянки? – закричала Анна, и тут же обратившись к отцу, потребовала предоставить в её распоряжение карету. – И слушать ничего не хочу. Я еду к Азанчевым., – отвечала она, отменяя любые возражения родителей. Анчуковым ничего не оставалось кроме как подчиниться. Они всегда уступали, когда Анна проявляла характер.

– «Анкерок» с собой прихвати! – насмешливо крикнул ей вслед Никита. Заметив осуждающие взгляды родителей, он счёл нужным пояснить свои слова. – Это такой...бочонок с водой, который держат в шлюпках на случай кораблекрушения.

Глава 3

Особняк Азанчеевых находился совсем недалеко, на берегу Фонтанки. Он превосходил особняк Анчуковых не только размерами, но и внешним видом. Это был двухэтажный дом, построенный на погребках. Первый этаж состоял из холла, гардеробной, кухни, подсобных помещений и комнат для прислуги. С холла первого этажа на этаж второй этаж, вела мраморная лестница с позолоченными перилами. Второй этаж предназначался строго для членов семейства и был разделён на две части овальным холлом. Слева от холла находилась гостиная, столовая, комната для чаепития, для курения и прочих нужд, таких как игра в карты или шахматы. Справа от холла, располагались личные комнаты членов семейства и четыре комнаты для гостей, которые всегда содержались в безукоризненном состоянии. Впрочем, как и всё прочее в доме. Шесть слуг постоянно жили в доме. Управляла всеми пожилая сухошавая дама по имени Лиза. Ещё был кучер Фёдор. Он жил в маленькой пристройке возле конюшни и неотлучно находился при Азанчеевых.

Фасад здания, между первым и вторым этажом, украшали скульптуры двенадцати ангелов. Руки ангелов были подняты ладонями вверх. Над каждым ангелом была сооружено окно с позолоченным обрамлением. При взгляде на особняк создавалось впечатление, что ангелы только для того спусти-

лись на землю, чтобы поддерживать окна, которые в ином случае могли просто обвалиться. Широкая, массивная дубовая дверь, служившая парадным входом, была увенчана гербом графов Азанчеевых: мечом, сплетённым с розой.

С крайней левой стороны особняка была сооружена арка для проезда во внутренний двор. Азанчевы содержали собственную конюшню, прачечную и небольшую пекарню. Они жили на широкую ногу и вполне могли себе это позволить. Солидный доход приносили имения. Но несравненно большую прибыль они получали от четырёх фабрик, которыми владели в Санкт-Петербурге. И это был далеко не полный список того, что принадлежало семье Азанчевых.

Сама семья Азанчевых состояла из: Ольги Владимировны Азанчевой, Олега Алексеевича Азанчева и графа Петра Алексеевича Азанчева.

Пётр являлся самым младшим членом семьи и, тем не менее, носил титул графа. Даже его матушка, Ольга Владимировна не имела права носить этот титул. Не носил его и отец Петра. А почему так случилось? Виной всему был покойный граф Пётр Азанчев, свёкр Ольги Владимировны. Взяв на руки новорождённого Петра, он воскликнул:

– Вот он, граф Азанчев!

Он составил завещание, согласно которому передал внуку, названному его именем – титул, а вместе с титулом все обязанности и права главы семейства Азанчевых. Передал, минуя сына и старшего внука Олега. Через год после того он

скончался. А спустя два года упокоился и отец Петра. Лихорадка унесла его жизнь.

Олегу исполнилось двадцать шесть лет. А Петру исполнилось только двадцать. Олег был старше Петра на шесть лет. Как и вся мужская часть Азанчеевых, Олег, несомненно, обладал привлекательной наружностью, но не столь притягательной как у Петра. Он, как и Пётр был отлично сложен и в полной мере обладал внешностью, позволяющей женщинам считать мужчину красивым. Они с Петром были похожи. Но только внешне. Олег обладал болезненным самолюбием и при всяком удобном случае упоминал о несправедливости по отношению к нему со стороны покойного графа Азанчеева и не раз упрекал в том свою матушку. Он не мог смириться с тем, что ему предпочли младшего брата. Олег обладал сложным характером и нередко ссорился. Но при этом всегда старался не доводить ссоры до той грани, после которой больше не будет возврата. И в этом он составлял полную противоположность Петру. Пётр старался избегать ссор, но уж если они начинались, он шёл до конца. Олег хорошо знал это качество младшего брата. Он понимал, что ему никогда не хватит духу поступать как Пётр. И оттого ещё больше злился на него и на себя. Но в целом, это был вполне добродушный молодой человек. Все его обиды, как правило, длились не более самой беседы, в которой он их высказывал.

Ольга Владимировна Азанчеева, прекрасно знала характер Олега. Она знала, что Олег недолюбливает своего брата

Петра и всячески пыталась исправить. Это была мать, в самом полном и самом прекрасном смысле этого слова. Весь смысл её существования заключался в сыновьях, Олеге и Петре. Всё её мысли и поступки так или иначе были связаны с ними. Ольге Владимировне исполнилось сорок пять лет. Это была невысокая женщина с очень строгим взглядом. Ещё большей серьёзности ей добавляли очки на серебристой оправе. Она всегда зачёсывала волосы назад и носила платья с высоким воротником, плотно облегающим шею. При первом взгляде на неё создавалось впечатление, что она немедленно начнёт вас отчитывать. В обществе, Ольга Владимировна считалась женщиной строгих взглядов. Что вызывало немало слухов, в основном негативных. Но в действительности, этот образ предназначался, в большой степени для сыновей и в меньшей степени для слуг. Но и те, и другие давно поняли, что Ольга Владимировна добрейший души человек. Они это понимали, но делали вид, будто относятся к ней, так как она и показывает.

Глава 4

В то время, когда Анна Анчукова собиралась поехать в дом к Азанчеевым, Ольга Владимировна беседовала в гостиной со своим поверенным, Михаилом Акатьевым. Михаил Акатьев доводился родным отцом Андрею Акатьеву, другу Петра. Слушая его, Ольга Владимировна то и дело поддавалась вперёд и взволнованно прижимала руки к груди.

– Михаил Андреевич, что же будет? Что же будет? – с волнением спрашивала Ольга Владимировна.

– Не стоит беспокоиться, – раздался уверенный ответ, – дело разрешиться в ближайшие два – три дня. Граф Азанчеев уже принёс свои извинения и выразил готовность возместить ущерб, вызванный его действиями. Жандарм в целом не пострадал, если не считать небольшой вздутости на подбородке. Его подержат несколько дней для приличия, а затем без каких-либо обвинений выпустят на свободу.

– Несколько дней? – в ужасе вскричала Ольга Владимировна. – А где он будет спать? Что он будет есть?

– Граф Азанчеев просил передать, что чувствует себя прекрасно и ни в чём не нуждается!

Ольга Владимировна не сразу поверила, Ей казалось, что поверенный говорит всё это лишь для того чтобы успокоить её. Она сомневалась лишь до той поры, пока поверенный не рассмеялся. Правда он тут же принёс извинения и объяснил

причину своего веселья.

— Ему даже нравится находиться за решёткой. Граф Азанчеев сравнивает своё положение со штормом. Если не считать раздражения, которое испытывают жандармы всякий раз, когда он «управляет кораблём», выглядит его пребывание в жандармерии вполне... весело. В целом, как и объяснил сам граф Азанчеев: «он попал в шторм и как капитан судна не имеет права допустить кораблекрушения. А для этого, первым делом необходимо выбросить всё лишнее за борт.

— В каком смысле «выбросить всё лишнее за борт»?

— Полагаю, речь шла о матрасе, одеяле и скромной еде, которую я попросил ему передать от вашего имени!

— Пусть только вернётся. Я ему покажу «кораблекрушение», — Ольга Владимировна не успела, как следует разгневаться, ибо в это мгновение в гостиной появилась взволнованная Анна. Она слышала последние слова. Как следствие, у неё на глазах появились слёзы:

— Всё плохо? — только и смогла вымолвить Анна.

Ольга Владимировна быстро распрощалась с поверенным, чтобы тут же подойти к Анне. Она обняла Анну и как могла мягко успокаивающе сказала:

— Что ты, милая моя? Что ты? Не надо плакать. В особенности из-за этого неблагодарного мальчишки. Пока мы здесь волнуемся, он развлекается в жандармерии. В шторм он попал... настоящий шторм начнётся, когда он вернётся домой. Пойдём, пойдём... — Ольга Владимировна усадила Анну на

дивана и протянула ей платок. — Я только что разговаривала с господином Акатьевым. Он заверил меня, что все вопросы исчерпаны. Пётр вернётся домой через несколько дней.

— Я так испугалась, — Анна взяла платок и вытерла слёзы, — я думала, с ним случилась беда!

— Да что с ним может случиться? — в гостиной появился Олег. Он был навеселе. Он часто приходил навеселе. — Это же граф Азанчеев, собственной персоной. То, что дозволено ему, не дозволено другим смертным.

— Олег! Прекрати немедленно! — Ольга Владимировна со всей строгостью посмотрела на сына. Тот в ответ насмешливо заулыбался.

— Нижайше прошу прощения. Я совсем забыл, что в этом доме дозволяется лишь восхвалять графа Азанчеева. Напоминайте мне матушка, напоминайте почаще о сем факте, дабы вскорости мне будет должно осознать собственную ничтожность.

— Олег пьян. Не обращай на него внимания, — слова Ольги Владимировны были предназначены для Анны. — Он сейчас пойдёт спать, — Ольга Владимировна бросила выразительный взгляд на сына, получив в ответ шутовской поклон. — А утром принесёт свои извинения, как тому и положено...

— Непочтительному сыну, — закончил за неё Олег. — Я могу и сейчас принести свои извинения. Как вы пожелаете матушка. Так всегда было и так всегда будет.

На пороге появилась Лиза. Заметив её, Ольга Владими-

ровна извинилась перед Анной, бросила ещё один выразительный взгляд в сторону Олега и только потом вышла из гостиной.

Едва Ольга Владимировна ушла, как Анна холодно произнесла, адресуя свои слова Олегу:

– Вы ведёте себя отвратительно. И это поведение оскорбляет меня и мои чувства по отношению к вашему брату. Я настоятельно требую прекратить нападки в адрес Петра. Он не заслуживает ни одного из ваших слов. В то же самое время как вы заслуживаете наихудшего порицания за столь недостойное поведение неуместное ни в одном приличном обществе.

– Сколько слов? – Олег послал Анне насмешливую улыбку. – Вы полагаете, меня волнует ваше мнение? Или мнение общества? Не путайте меня с вашей дражайшей матушкой. Да и вы, впрочем, недалеко от неё ушли. Хотите правду? При всей моей неприязни к Петру, я бы никогда не пожелал ему такой супруги как вы. Я по крайней мере могу, пусть и не самым приятным образом, признать, что Пётр много лучше меня самого. Ну а вы, сидите здесь и плачете с таким видом, будто для вас это обязанность. Обременительная обязанность. Вам ведь не Пётр нужен, а более высокое положение в обществе. Возможно, вы его и любите, но не так сильно как себя и то самое общество, в котором, по вашему мнению, мне нет места. И последнее, сударыня. Если говорить о недостойном поведении в обществе, то именно так выглядят

ваши попытки вмешаться в дела нашей семьи. И более всего это касается моих с Петром отношений.

– После того как я стану графиней Азанчеевой, вы ни одного дня не останетесь в этом доме.

Олег расхохотался. На пороге возникла Ольга Владимировна. Она переводила взгляд с гневного облика Анна на смеющегося Олега, пытаясь понять, что же произошло в её отсутствие.

– Пожалуй, Анна Анчукова с Петром Азанчевым составят чудесную пару, – смеясь, заметил Олег, – Вы даже не представляете матушка, насколько мне отрадno предвкушать столь значимое событие. Разумеется, – Олег внезапно стал серьёзным, – как только сие событие состоится, я незамедлительно отправлюсь в одно из наших имений и более не вернусь в этот дом.

Последние слова Олега были предназначены для Анны, и она приняла их с видимым удовлетворением, а Ольга Владимировна с откровенной растерянностью. Раскланявшись, Олег покинул гостиную.

Ольга Владимировна ещё долго беседовала с Анной. Большею частью они обсуждали будущую помолвку Анны и Петра, которую они собирались отпраздновать со всей пышностью.

После короткого, но небольшого сопротивления, Ольга Владимировна уступила Анне, которая мечтала устроить помолвку в Павловске.

Глава 5

Утреннее солнце освещало сотни лодочек и маленьких судёнышек на единственном парусе, которые плыли по Фонтанке. Все лодочки и судёнышки, были до отказа заполнены людьми. Все эти люди приехали в основном из окрестностей Санкт-Петербурга с одной единственной целью – посетить Гостиный двор. Не было в России лучше торгового места. Тысячи и тысячи самых разнообразных, а порой и удивительных товаров ежедневно и ежечасно выставлялись на продажу. Оттого, раз или два в год, а порой и чаще, люди, в основном с весьма скромным заработком спешили в Гостиной двор. Такая поездка считалась самым лучшим праздником. И лучше всего остального тому служили подтверждением радостные лица людей плывущих по Фонтанке.

На одном из таких судёнышек идущим под парусом примостились не менее тридцати человек. Они сидели на грубо сколоченных лавочках, а иные и вовсе на том, на чём обычно сидят все люди, прямо на палубе, как гордо называл порядком изношенные доски сам капитан судёнышка. Облачённый в некое подобие морского мундира, он стоял на корчме и с важным видом отвечал на вопросы пассажиров. Услышав один из восторженных криков, капитан весомо и обстоятельно начал объяснять:

– Дом с ангелами принадлежит графам Азанчеевым. Лет

двадцать как он построен. Чего у них там только нет. Сказывают, они даже кузню поставили, чтобы ковать лошадей. И покупать будете у них. В гостином дворе у них своя часть. Прямиком с ихних же фабрик поставляется.

Ангелы на фасаде уже стали отчётливы видны. И они стали причиной ещё одного восторженного голоса. На сей раз, капитан ничего не сказал. Причина его молчания была до удивления проста – он просто не понял ни слова, поскольку речь звучала на немецком языке.

– Папенька, папенька, вы только взгляните какое чудо?! – говорила молодая девушка, весьма и весьма привлекательной внешности указывая рукой в сторону возвышающегося впереди особняка Азанчеевых. – Как хороши эти ангелы и сколько в них возвышенного чувства! Папенька, позвольте отлучиться ненадолго по прибытию на берег? Он так хорош, что мне не терпится рассмотреть его как следует.

– Хорошо, хорошо! – раздался в ответ мужской голос.

– И мне бы хотелось, – раздался второй девичий голос, который прозвучал более скромно.

Следом прозвучал третий девичий голос, в котором сквозило откровенное раздражение:

– Ты везде видишь возвышенные чувства!

Кому же принадлежали эти голоса? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо запастись терпением и бросить самый внимательный взгляд на семью из четырёх человек, которые сидели во втором ряду прижавшись друг другу.

С левого края сидел Иоганн Лукас, худощавый мужчина высокого роста с бородой. Рядом с ним сидела его старшая дочь Анна. Именно она просила позволения рассмотреть дом Азанчевых. Рядом с Анной и третья по счёту от края, сидела средняя дочь Иоганна Лукаса – Мария. Именно ей принадлежал второй голос. И четвёртая, последняя, была Катарина – младшая дочь Иоганна Лукаса. Именно она выразила недовольство старшей сестре Анне.

Семейство Лукас переехала в окрестности Санкт-Петербурга, а именно в город Павловск из небольшого австрийского городка Фельдкирх. Иоганн Лукас, получил предложение от великого князя Константина Николаевича Романова. Ему предлагалось стать врачом военного лазарета в Павловске с окладом в 450 рублей за год. Кроме того, ему позволялось заниматься частной практикой в свободное время. Коротко обсудив предложение, семья переехала на жительство в Павловск. Это знаменательное событие произошло десять лет назад. Они купили небольшой дом недалеко от Павловского вокзала. Дом состоял из трёх комнат, двух больших и одной маленькой. В одной комнаты разместились все три дочери. Во второй разместились они с супругой. Опочивальня супругов стала так же маленькой аптекой, где Иоганн Штраус изготавливал лекарства. Третья и самая большая с русской печью, стала для них и гостиной и столовой и приёмной для больных.

Через три года после переезда, мать Катарины, не выдер-

жав сурового русского климата скончалась. Иоганн Лукас стал вдовцом с тремя малолетними дочерьми на руках. О возвращение домой уже не могло быть и речи. Его любимая супруга лежала на кладбище в русской земле. Он не мог её оставить. Да и дома в Австрии его уже ничего хорошего не ждало. Найти работу врача в родном городе не представлялось возможным, а это означало верный голод. Будь он один, возможно и справился бы, но с дочерьми на руках переезд становился невозможным. Тщательно всё взвесив, Иоганн Лукас решил остаться навсегда в России. Денег почти всегда не хватало. Он отказывал себя во всём ради возможности лишний раз порадовать дочерей.

Старшей дочери Анне исполнилось двадцать два года. Она была первенцем. Иоганн Лукас любил и баловал её больше всех. Анна пошла в отца, высокая и стройная, светло-волосая с яркими голубыми глазами. Она привлекала взоры мужчин везде, где бы ни появлялась, даже на короткое мгновение. Анна всегда тщательно одевалась и ещё тщательней следила за своей внешностью. Нрав отличался высокомерием и заносчивостью. Эти качества часто проявлялись в спорах с сёстрами. Она не без основания считала себя самой красивой из сестёр и не выносила когда в её присутствии, мужчины обращали внимание на Марию. Анна грезилла замужеством и, несмотря на крайнюю бедность семьи Лукас, надеялась подыскать достойную партию. При всех своих недостатках, она любила семью.

Мария исполнился двадцать лет. Она была на два года младше и являлась едва ли копией своей старшей сестры. Но только внешне. Это была девушка с очень ранимой душой. Даже самое незначительное обстоятельство она могла переживать часами и днями.

Третья и самая младшая дочь Катарина не блистала красотой, но обладала несомненной привлекательностью. С длинными чёрными волосами, с карими глазами и смуглой кожей...она немного напоминала цыганку. Обладая невысоким ростом и хрупким сложением, она не имела даже отдалённого сходства со своим отцом и сёстрами.

Катарина отличалась от сестёр, как внешностью, так и характером. Во внешности она, несомненно, уступала сёстрам, но во всё остальном, безусловно, превосходила. Несмотря на юный возраст, а ей только исполнилось семнадцать лет, она превосходно говорила на пяти языках. Русский язык давно стал ей родным. Она владела им так же хорошо как немецким, так и родным, алеманнским диалектом. Кроме того она владела французским, итальянским и английским языками. И в этом имелась несомненная заслуга её покойной матушки. Характер же отличался удивительным упорством и твёрдостью. Катарина прекрасно владела собой и в отличие от сестёр не позволяла себе легкомысленных разговоров и уж тем паче, легкомысленных поступков. Она никогда не жаловалась на тяжёлую жизнь, никогда не показывала свои переживания и никогда не отступала перед трудностями. Пер-

вое впечатление о ней всегда оказывалось ошибочным. Катарина мало разговаривала. И это качество зачастую воспринималось незнакомыми людьми как слабость. Они пребывали в заблуждение ровно до того мгновения пока не начинали проявляться сильные черты Катаринины. Сёстры и даже её собственный отец были не в состоянии повлиять на её решения, если Катарина упорствовала. Как правило, такие решения всегда оказывались верными. И со временем, Иоганн Штраус научился слушать и ценить мнение младшей дочери. Он всегда мог на неё положиться в отличие от старших дочерей.

Все эти качества прекрасно сочетались в Катарине и уходили лишь в те мгновения, когда она позволяла себе немного помечтать. Катарина не придавала значения ни своей внешности, ни своим нарядам. Наверное, от того, на неё почти никто не обращал внимания. Как ни странно, отсутствие внимания радовало её. Ведь только так она могла оставаться наедине с собой.

Нередко по ночам, она устраивалась на подоконнике, ставила перед собой свечу и смотрела через окно на огни Павловского вокзала, где почти каждый день проходили музыкальные вечера. Где выступали знаменитые музыканты и оркестры. Где собиралось высшее общество едва ли не со всей России и уж точно со всего Санкт-Петербурга. Звуки музыки, правда, едва слышно, но всё же доносились до её слуха. Дивная музыка уносила её на площадь Павловского вокзала.

Она представляла на площади сотни танцующих пар и... себя. Все смотрели только на неё, а она искала взглядом того единственного, кто станет её кавалером. На этом месте мечта всегда обрывалась. Она никак не могла найти того с кем хотела бы танцевать. Все лица вокруг вызывали у неё разочарование. И тогда Катарина уступала место сёстрам. Анну и Марию она представляла с лёгкостью. Они сразу находили себе кавалеров. Обе сияли от счастья. Итогом её мечтаний всегда становилась одна и та же волнующая картина: Катарина видела, как кавалеры опускаются на колени и в присутствии высшей знати делают предложение сёстрам. Она радовалась и танцевала. А танцевала она всегда одна. Но не только в своих мечтах. Зачастую и только глубокой ночью, в особенности зимой, когда замерзала речка Славянка, Катарина отправлялась туда, дабы, пусть на короткие мгновения и всего лишь отчасти, но осуществить свою мечту. Она скользила по льду и напевала мелодию столь полюбившегося ей Павловского вальса.

Глава 6

Катарина едва сдерживала раздражение. Едва они сошли на берег, как Анна, а вслед за ней Мария и Иоганн Лукас отправились в сторону особняка Азанчевых. Пришлось и ей отправиться за ними. Она только и слышала восторженные слова Анны наподобие этих:

– Вы только взгляните папенька, какие чудные узоры?! И как изящно сочетаются линии переплетающие розу с мечом. Этот герб олицетворяет самые лучшие чувства. Ах, папенька, кабы и мне такой дом с таким гербом...

– Как можно быть такой легкомысленной? – поражалась в душе Катарина. Её так и тянуло уйти, но она не могла покинуть семью. Ей всё время казалось, что люди вокруг смотрят на них и насмеются.

Неожиданно дверь с гербом отворилась и оттуда вышли две женщины. Судя по одежде, это была прислуга. До Катарины донёсся озабоченный голос одной из женщин.

– Говорю тебе, в тюрьме он. Жандарма избил. Своими ушами слышала. Невеста егошняя приходила вчерась вся в слезах. Того гляди в обморок упадёт.

– Чего не упасть-то?! Такого красавца себе отхватила. Да и душой красив, наш граф Пётр Азанчев. Сколько лет здесь, ни разу грубого слова от него не слыхивала. Всё ласково да всегда по имени отчеству кличет. Не верится, что в тюрьме.

Ан выпустят?

– Выпустят. Сама слыхивала.

– Ну и слава Богу!

Катарина слышала эти слова, но совершенно не придавала им значения. Но Анна думала совершенно иначе. Она с Марией заговорила, с восторгом обсуждая, теперь уже владельца особняка.

Удивительно просто, – думала Катарина, слушая сестру, – как она так определила в этом графе столько достоинств?! Появись он сейчас, наверняка побежит к нему знакомиться. Нет, я больше не выдержу её болтовню. Надо что-то придумать. Только Катарина об этом подумала, как в голову пришла великолепная мысль. Она неожиданно для самой себя расхохоталась. Но тут же захлопнула рот и поспешно двинулась осуществлять свою идею.

– Ты куда, Катарина? – окликнул её отец, Иоганн Лукас. Между собой в семье, они всегда разговаривали на немецком языке.

– Говорят, платья слишком быстро разбирают. Не успеем купить, – озабоченно ответила Катарина, краем глаза наблюдая за Анной. Услышав испуганное: «Папенька», она удовлетворённо хмыкнула. В следующую минуту, Анна, едва ли не бегом обогнала Катарину.

Семья Лукас совершенно растерялась среди всего этого хаоса. Мимо и в обе стороны проносились кареты с гербами и разукрашенными дверцами, извозчики на Дрожках, оди-

нокие всадники, скрипящие повозки и телеги. А ведь были ещё и грузчики, которые торопливо проносились с мешками на шее. В воздухе висел нескончаемый скрип, грохот, крики и Бог знает что ещё. Шум не прекращался ни на мгновение. Иоганн Лукас то и дело останавливал дочерей, с тревогой наблюдая за приближающей каретой. Они мчались с такой скоростью, что любая близость с ними могла завершиться весьма плачевно. Относительная тишина наступила, когда они пробились в ряды с женским одеянием. А здесь семейство Лукас поджидала другая беда. По проходу между рядами прохаживались элегантно одетые женщины самого разного возраста и зачастую в сопровождение слуг. Многие бросали в сторону сестёр Лукас откровенно презрительные взгляды. Взгляды эти ничуть не волновали Катарину. Не волновали до той поры, пока к сёстрам не обратилась напрямую одна великосветская дама. Неизвестно по какой причине, дама держала над головой зонт, хотя все они находились в здании и непогода им не угрожала. Возможно, зонт служил лишь для того, чтобы наилучшим образом выставить напоказ белую перчатку из шёлка.

– До чего же у вас дурные платья, – брезгливо заметила она, окидывая сестёр презрительным взглядом, – да к тому же они изрядно изношенные. Невозможно понять какого они цвета, да и пахнут дурно. Ещё и заштопаны... – присмотревшись, добавила дама, – а эти ваши... шапки лишь издали напоминающие приличный дормез, выглядят просто отврати-

тельно. До чего же дурные платья... – повторила она.

– Дурные платья всё же лучше дурных манер! – ответила сразу Катарина, – вызывая своими словами смех, как у покупателей, так и продавцов. Один из них сделал знак, подзывая к себе Катарину. Катарина прошла рядом с той самой дамой и остановилась у прилавка с пожилым, лысоватым женщиной. Позади него стояли два молодых человека, судя по всему его сыновья. Все трое улыбались.

– У меня слишком мало денег, поэтому нужны, самые что ни на есть недорогие платья! – во всеуслышание объявила Катарина.

– Дикарка! – дама с зонтом выплюнула это слово на ломанном французском языке.

В ответ послышались знаменитые слова на чистом французском языке:

– Всегда к вашим услугам, мадам!

Это стало последней каплей для дамы с зонтом. Сделав вид, что она оскорблена присутствием столь невоспитанной девушки, дама вздёрнула подбородок и гордо удалилась.

Как ни удивительно, но это маленькое происшествие расположило продавцов по отношению к семейству Лукас. Они начали подзывать их к своим прилавкам и предлагать весьма недурные платья за скромную цену.

Анна и Мария, радовались всякий раз когда им расточали комплименты. И более всего это касалось элегантно одетых мужчин и военных. Катарина же всем своим видом напоми-

нала неприступную крепость готовую разразиться артиллерийскими залпами при малейшей попытке штурма. Если у кого и возникала мысль заговорить с нею, то она исчезала сразу же и навсегда.

Прекрасно зная характер сестёр, и в особенности Анны, Катарина оставила их и стала искать прилавки с книгами. Вот что действительно её интересовало. Она не могла себя позволить и платье и книгу. Но хотя бы посмотреть на книги она ведь могла. Её поиски почти сразу привели к желаемому результату. И даже больше. Глядя на многочисленные полки с книгами, Катарина испытывала благоговейный трепет. С молчаливого разрешения хозяина прилавка, Катарина выбрала одну книгу. На обложке книги коленопреклонённый мужчина держал руку своей дамы. Или не своей? Катарина намеревалась выяснить это обстоятельство. Она погрузилась в чтение, да настолько, что перестала обращать внимание на время. Она читала до той поры, пока хозяин лавки не отобрал у неё книгу и не указал на выход. Так и не узнав, что случилось с главными героями книги, она отправилась в обратный путь. Завернув в очередной проход между рядами, она видела множество шляпок. Одну из таких шляпок держал в руках молодой военный с тонкими усиками. Улыбаясь и расточая комплименты, он предлагал эту самую шляпку в качестве подарка... Анне.

Анна уже собиралась принять подарок, когда появилась Катарина. Анна мгновенно нахмурилась. Она ждала непри-

ятностей от Катарины и не ошиблась. Катарина с самым вежливым видом осведомилась у военного, кем ему приходится дама, которой он собирается сделать подарок.

– Кем прихожусь? – военный слегка растерялся, но тут же принял учтивый вид и как мог вежливо ответил. – Никем, к сожалению. Это всего лишь знак внимания.

– Знак внимание незнакомой даме, которой вы собираетесь... – Катарина сделала паузу, показывая всем своим видом, что ожидает продолжения от военного. Прекрасно понимая, что ничего не сможет ответить, военный извинился и быстро ретировался.

– Как ты смеешь вмешиваться в мою жизнь? – прошипела Анна в сторону Катарины.

– А как ты смеешь быть столь легкомысленной? – спокойно ответила Катарина. – Ты недостаточно глупа для того чтобы не понимать чего именно ждал от тебя этот военный.

– А тебе какое дело? – разозлилась Анна. – Может я ему просто понравилась, и он захотел сделать мне подарок?

– Ты не примешь подарков от незнакомых мужчин, – с отчётливой угрозой произнесла Катарина.

– Ненавижу тебя! – закричала Анна и вся в слезах ушла. Катарина выждала немного времени и только после этого пошла вслед за Анной. Её встретил укоризненный взгляд Иоганна Лукаса.

– Перестань мучать сестёр! – только и сказал он. Спустя час они уже покидали Гостиный двор, направля-

ясь в Павловск. Анна не смотрела в сторону Катарины, всем своим видом показывая, что не собирается с ней разговаривать.

Глава 7

Директор морского корпуса, Богдан фон Глазенап, прохаживался между своим столом и тремя курсантами. Все трое стояли навытяжку и ждали вопросов.

Фон Глазенап подошёл к Артуру Астольцу.

– Позвольте спросить кадет, что у вас с глазом? Вы всё время пытаетесь его открыть, но поскольку он весь заплыл, сделать это не так просто. Со стороны это выглядит так, будто вы смотрите на меня свысока. Так что у вас с глазом, кадет Астольц?

– Пчела укусила! – чётко, по-военному ответил Астольц.

– Пчела, значит укусила? А почему у вас глаз синий?

– Такая пчела попалась!

Фон Глазенап ничего не ответил. Он только сделал шаг вправо и внимательно всмотрелся в лицо Акатьев.

– Знаете, кадет, когда смотришь на ваш нос, создаётся впечатление, что на нём штамповали монеты!

– Вот, вот, – оживился Акатьев, – монета всему и виной. Я её к носу привязал...ну... чтобы дыхание отработать. А потом поскользнулся и прямо носом в землю.

– Удивительно просто до чего вы изобретательны. Ну а вы кадет? – Фон Глазенап устремил взгляд на распухшую губу Никиты Анчукова. – Небось, тоже пчела укусила или монету не туда привязали?

– Рыбой отравился, – не моргнув глазом отчеканил Никита. – А с неё косточка прямо в губу воткнулась. Вот она и распухла.

Фон Глазенап одобрительно покачал головой.

– Прекрасно. Просто прекрасно. И в качестве особого расположения за вашу откровенность, собираюсь возложить на вас особую ответственность. Но это после того, как появится Азанчеев. Кстати, почему его всё ещё нет?

– Кадет Азанчеев сидит в трюме! – раздался единый ответ.

– Полагаю, этот трюм находится...не на нашем корабле?

Все трое отрицательно покачали головой.

– Ну что, ж, тогда начинайте втроем, а для кадета Азанчеева мы позже изыщем способ поощрения.

Спустя час все трое, закатав штанину до колен, мыли полы в столовом зале, который по своим размерам превосходил любые другие помещения в здание.

– Скоро выпуск, а мы, почти офицеры русского морского флота, полы моем, – с досадой бросил Артур. Он несколько раз макнул тряпку в ведро с водой, выжал и, опустившись на коленки начал неторопливо тереть ею пол.

– Не надо было начинать, – откликнулся Андрей. Он мыл полы между столами и оттого была видна только часть его головы. – Знал ведь, что Пётр рассердится.

– Он всегда сердится! – отозвался Артур.

– Не всегда! – возразил Никита. Он мыл полы у самой дальней стены. Оттого и приходилось едва ли не кричать. –

У него две занозы. Анна и Гера. Не тронешь их, и слова не скажет в ответ.

Внезапно раздался хохот. Смеялся Андрей.

– Ты чего радуешься? – закричал в его сторону Артур.

– Вспомнил, как он жандарма положил. Нас бил и ничего, а его одним ударом уложил. То ли жандарм хилый попался, то ли мы больно крепкие оказались.

Разговоры мгновенно смолкли. В столовом зале появилась... Пётр. Он был бос, штанина закатана до колен. Фуражка так же отсутствовала. В руках Пётр держал полное ведро воды и тряпки. Он шел, насупившись и ни на кого не смотрел. Выбрав себе свободное место подальше ото всех остальных, Пётр намочил тряпку и, опустившись на коленки, стал ожесточённо мыть пол. Некоторое время стояла тишина, нарушаемая лишь звуком выжимаемых тряпок. Хотя все четверо молчали, обстановка накалялось с каждым мгновением и грозила перерасти в новую драку. Выражалось это в угрюмых взглядах, которыми в основном обменивались Артур и Пётр. Однако, они не могли не понимать что им грозит в случае очередной драки. И это обстоятельство сыграло главную роль. Постепенно, обстановка начала успокаиваться. Кажется, всё уже закончилось. Но взрыв всё же произошёл. И тем самым горящим фитилём, который поджёт порох, стал Андрей.

С криком: «Охладись», он окатил Петра остатками воды из своего ведра.

– Грязная же... – закричал Пётр и, схватив ведро, побежал вслед за Андреем. Тот с хохотом скользил между столами не давая окатить себя водой. Так продолжалось до той поры, пока он не оказался перед Никитой. Тот недолго думая окатил Андрея остатками воды из своего ведра.

Андрей закричал. Никита расхохотался, но тут же заорал благим матом. Артур вылил воду из своего ведра ему за шиворот. Но порадоваться он не успел, так как Пётр плеснул ему в лицо почти полное ведро.

– Глаз, мой глаз, – закричал Артур. После этого логика событий полностью исчезла. Все мгновенно вооружились тряпками и вступили в бой. Каждый сражался только на своей стороне. И никто не отступал. Они били друг друга тряпками и хохотали. Перевес сил постоянно смещался с севера на юг и с запада на восток. Так продолжалось до тех пор, пока в зал не вбежал один из кадетов и не закричал:

– Господа! Господа! Выпуск ускорили. Отправляемся на Черноморский флот. Возобновились военные действия в Крыму!

Все четверо бросили тряпки и с криком «Ура», начали обнимать друг друга. Ещё было живо в памяти прошлогоднее сражение при Синопе, когда русская эскадра наголову разгромила турецкую эскадру. Каждый из них грезил о морских походах и сражениях. И каждый раз они побеждали в своих мечтах. Оттого и радовались все. Им всем выпала возможность отличиться в битвах, и стать одними из этих, перед от-

вагой и доблестью которых, они всегда восхищались.

Глава 8

После возвращения домой в Павловск семьи Лукас, Анна устроила настоящий скандал. И причиной этого скандала стала Катарина. Анна обвиняла её во всём, начиная от зависти заканчивая тяжёлым положением семьи. Она кричала и плакала. Требовала, чтобы Катарина перестала вмешиваться в её жизнь. Просила отца повлиять на неё. Клялась, что уйдёт из дома и ещё наговорила всяких разных гадостей в адрес Катарины.

Катарина с упорством достойным самого лучшего применения, спокойно парировала все выпады в свой адрес и говорила, что не позволит Анне вести себя столь легкомысленно по отношению к незнакомым мужчинам.

– Выходи замуж и как угодно обхаживай своего супруга, – каждый раз отвечала с твёрдостью Катарина, – улыбайся, принимай комплименты и подарки. Да всё что угодно можешь сделать.

– Как я выйду замуж, если ты мне не даёшь ни с кем и словом перемолвиться? – кричала в ответ Анна.

– И не дам, – спокойно отвечала на это Катарина.

– Папенька! – кричала Анна, обращаясь за помощью к отцу.

Но Иоганн Лукас ничего не мог поделать с Катариной. Когда Катарина упиралась, переубедить её было невозможно.

но. Он понимал мотивы поведения Катарины, ровно, как и мотивы поведения Анны. Катарина пеклась о чести доброго имени, а Анна любила чувствовать внимание окружающих. Мария оставалась где-то посередине между ними. Мария долго молчала, но потом решила поддержать Анну. Иоганн Лукас махнул рукой и, прихватив табак, вышел из дома.

Он устроился на завалинке и начал набивать трубку. Из окон доносились истеричные голоса Анны и Марии. И ровный голос Катарины. Иоганн Лукас закурил. Он прекрасно знал, чем всё закончиться и оказался прав. Спустя четверть часа крики смолкли и раздались громкие рыдания. Из дома вышла Катарина и села рядом с отцом.

– Ушли в слезах спать?! – спросил Иоганн Лукас.

– Да! – спокойно ответила Катарина.

– Почему ты не даёшь им спокойно жить? Пусть делают что пожелают!

– Я бы отступила, если б речь шла о достойном человеке с серьёзными намерениями. Но ведь Анна готова с каждым встречным обмениваться любезностями. Она только себе хуже делает. Пойдёт худая молва и тогда она вообще замуж не сможет выйти. А ведь у неё и сейчас почти нет надежды на благополучный брак.

Катарина всегда своими рассуждениями ставила его в тупик. Так произошло и на этот раз. Иоганн Лукас решил, что на сегодня достаточно скандалов.

– Что будешь делать завтра?

– Пораньше встану, приготовлю лекарство для деда Макара. Потом пойду к нему домой сломанную ногу лечить. Это недалеко отсюда. Всего в двух верстах. Он обещал заплатить. Деньги возьму и сразу домой. Картошка вся заросла. Надо прополоть. Ну и надобно стиркой заняться. В прошлый раз собиралась, да мы в Санкт-Петербург уехали.

Иоганн Лукас молча слушал. Катарина сама взвалила на свои плечи хлопоты за всю семью. Не раз он пытался её отговорить, но Катарина стояла на своём. Переубедить её не представлялось возможным. И он этому был безмерно рад. Иоганн Лукас никогда не беспокоился о семье, даже если отсутствовал целыми неделями. Он всегда знал, что Катарина и без него прекрасно со всем управится.

Что с ней-то будет? – невесело думал Иоганн Лукас поглядывая на дочь, – сама-то небось и не думает о своём счастье. Всё о сестрах. Ну да ладно. Выдадим замуж Анну с Марией, а уж потом подумаю о Катарине, – решил он.

– У начальника станции подагра, – сообщил он Катарине, – просит помощи. На следующей неделе и начнём лечение. Пойдёшь со мной? Покажу, как с подагрой справится.

Катарина радостно кивнула. Она любила ходить с отцом. И любила смотреть на поезда. В тот миг она даже не подозревала, что это предложение полностью перевернёт её жизнь.

Глава 9

Приблизительно в то же самое время, когда Иоганн Лукас беседовал со своей дочерью Катариной, Пётр бодрой походкой входил в дом Анчуковых. Мамы Анны лишь мельком с ним поздоровалась, хотя прежде встречала его со всем добродушием и радостью. Пётр с пониманием принял эти изменения. С её молчаливого одобрения, он отправился в комнату Анны.

Анна ждала приход Петра. Ждала с огромным нетерпением. От Никиты она узнала, что Петра освободили. Она была уверена, что он прибежит к ним домой просить прощения. В ожидание его прихода, она несколько раз изменила место своего сидения и выражение своего лица. Она никак не могла определиться в том, как ей следует себя повести с ним. То ли рассердится, то ли расчувствоваться, то ли сделать вид, будто вообще его не замечает.

Но когда он вошёл и, опустившись на колени, прижался губами к её рукам, она сразу растаяла. Растаяла, но не хотела уступать так сразу.

– Я сердита на вас Пётр, – голос Анны ничуть не отражал сказанных слов. – Вы повели себя безответственно и огорчили всех нас.

– Я так соскучился по вас, – признался Петр, бросая на Анну взгляд полный любви и беря её руку в свои. – И так

мечтал увидеть, что не смог удержаться. Анна, милая, любимая моя Анна, я приготовил для вас столько красивых слов, но все они ничтожны по сравнению с моими чувствами. Вы олицетворяете для меня всё самое прекрасное на земле. Я преклоняюсь перед вами и трепещу, как снисшедшим и дарующим счастье ангелом. Простите же меня, простите. Для меня не существует худшего наказания, нежели ваш сердитый взгляд. Что я должен сделать, Анна? Как мне заслужить ваше прощение?

– Пообещайте, что никогда больше не станете делать того, что вы сделали с бедным жандармом и я... постараюсь вас простить, – отвечала на это Анна с важностью и достоинством.

– Всё что пожелаете, Анна, – сжимая её руку, отвечал Пётр, – только улыбнитесь и назовите моё имя так, как умеете только вы.

– Здравствуйте, Пётр!

Пётр засиял от счастья. Он с обожанием смотрел на Анну. И этот взгляд вызвал у неё на щеках румянец. Оба замолчали и наслаждались присутствием друг друга. Вопреки обыкновению, Анна не стала убирать свою руку из рук Петра. Она желала поощрить его. И не только за прекрасные чувства, которые он ей дарил. Была ещё одна причина.

– Это правда, что вас скоро отправят на войну? – придавая голосу глубокую печаль, спросила Анна.

– Правда, к сожалению. Но вы не беспокойтесь за меня. Я

вернусь к вам целым и невредимым. Я обязательно вернусь к моей милой Анне. Вы ведь будете меня ждать, Анна?

Анна, к великой радости Петра, несколько раз кивнула.

– Я хотела сделать больше, – прошептала Анна, – я хотела, чтоб вы чувствовали себя спокойно в минуты страшной опасности. Я желала поддержать вас в тяжёлую минуту. Только по этой причине и в беспокойстве за вашу жизнь, я, забыв о гордости, говорю эти слова. Хотите ли вы, Пётр, связать со мной жизнь, как о том говорили не раз?

– Анна, как вы можете сомневаться в моих чувствах? – Вскричал с обидой Пётр.

– Тогда позвольте мне официально стать вашей невестой. Позвольте именно в таком качестве дожидаться вас с войны. Пусть все видят и знают, что я люблю и жду вас!

– О, Анна, Анна, – У Петра на мгновение слёзы выступили на глазах, – вы снова проявили ту красоту души, перед которой я всегда преклонялся. Может ли человек в моём положении мечтать о большем счастье? Если вы спрашиваете моего мнения, то я не только соглашаюсь, но и благодарю вас. Всем сердцем благодарю. Клянусь вам Анна, вы никогда не пожалеете о своём решении!

– Пойдёмте к матушке! – просто сказала Анна. Она взяла под руку счастливого Петра, и они вместе вышли из комнаты.

Анчукова ждала этой минуты долгие месяцы, так как мечтала и видела свою дочь графиней Азанчеевой. Но когда её

мечты обрели реальность, она даже виду не показала, что рада.

– Для начала следует спросить мнение Ольги Владимировны, – сказала она, когда Пётр и Анна сообщили о своём решении. – Лишь после этого мы обсудим этот вопрос.

– А если нам всем вместе поехать к матушке? – робко предложил Пётр. – Обсудим всё вместе. И если на то будет ваша с матушкой воля, решим в какой день справить помолвку. Времени до отправки на фронт остаётся всё меньше, – добавил Пётр, видя, что Анчукова нахмурилась.

– Матушка, прошу вас, не отказывайте Петру, – попросила Анна.

– Хорошо! Едем! – Анчукова согласилась, к вящей радости и Петра и Анны.

Двумя часами позже, Ольга Владимировна, Анчукова, Пётр и Анна, уже сидели в гостиной и бурно обсуждали предстоящую помолвку. Как и предполагал Пётр, Ольга Владимировна сразу и с большой радостью согласилась. Следом за ней согласилась и Анчукова. В данном случае не оставалось сомнений в том, что и её супруг выразит согласие. Они долго обсуждали предстоящую помолвку и, в конце концов, решили, что справят помолвку за два дня до отъезда Петра на фронт. Справят в Павловске. Они все уедут в Павловск заблаговременно, а Пётр приедет в самый день помолвки. Ему необходимо было привести в порядок дела, в одном из имений перед отправкой на фронт. На том и порешили. Пётр

завтра же отправлялся в имение, а Ольга Владимировна с Анчуковой и Анной должны были заняться приготовлениями к помолвке. Ближе к полуночи все разошлись донельзя довольные прошедшим разговором. А Пётр, ещё очень долго не мог уснуть:

– Анна, моя невеста! Анна моя невеста! – счастливым шёпотом повторял он.

День, о котором он мечтал последние пять лет, с того мгновения когда впервые увидел Анну, обещал вскоре наступать.

Глава 10

Стояла прекрасная летняя погода. Лучи, пробиваясь сквозь ветви деревьев, отбрасывали солнечные зайчики на тропинку усеянную листвой.

Катарина, в стареньком платье с длинными рукавами, подпрыгивала вверх и, раскрыв ладони, пыталась поймать эти самые солнечные зайчики. На какой-то миг ей удавалось задержать их в своих руках, но как только они выскальзывали, раздавался звонкий смех.

Катарина просто радовалась. Радовалась солнцу, деревьям и опавшей листве, радовалась обществу отца и вообще даже самым незначительным мелочам.

Иоганн Лукас видя дочь в таком приподнятом настроении, не мог сдержать улыбку. Она и его заразила своим весельем.

– Катарина! – окликнул её Иоганн Лукас, – угомонись дитя моё. Тебя могут заметить со станции и счесть легкомысленной. – Наедине он всегда разговаривал с дочерьми на немецком языке. Так происходило и на этот раз.

И действительно, сквозь деревья очень хорошо просматривалась и сама станция, и люди, стоявшие на перроне. Людей этих легко можно было различить, вернее, разделить на две части по одежде. Одетые побогаче стояли на перроне. Одетые победней сновали по перрону.

– Хорошо! – Катарина перестала подпрыгивать, остановилась и подождала отца. Как только он поравнялся с ней, она взяла его за руку и приняла степенный вид. – Так лучше?

– Намного, – признал Иоганн Лукас и тут же услышал звонкий смех дочери, добавил. – Я не возражаю против смеха, если только он не раздаётся в присутствии почтенного начальника станции. Аристарх Рудольфович страдает от подагры и может расценить твой смех как насмешку над своей болезнью. Я потеряю пациента, а вы лишитесь возможности купить новые платья.

– Какое несчастье для... Анны. У неё каждое утро начинается в мечтах о новом платье. – Катарина вновь звонко рассмеялась, но заметив упрёк во взгляде отца, тут же вернула себе степенный вид.

– Анна мечтает побывать на музыкальном вечере и тебе это известно. Не стоит над ней насмехаться.

– Я и не думала, – просто ответила Катарина, – только эта мечта не осуществима. Туда приезжают одни графы и князья. Высший свет, лучшие музыканты. Я слышала, что для музыкальных вечеров дамы готовят свои наряды зимой. На каждый вечер отдельное платье, туфельки, веер, сумочку и драгоценности. Даже ваш уважаемый начальник станции не осмеливается отвести туда дочерей. Одного платья будет недостаточно.

– Иногда случаются чудеса! – ласково возразил дочери Иоганн Лукас. Они шли медленно, наслаждаясь окружаю-

щей природой. Катарина держала отца под руку и улыбалась, слушая его слова. – Порой одно мгновение может изменить всю жизнь. Со мной такое случалось. Я собирался уехать в Вену и заняться там врачебной практикой. Когда я садился в дорожную карету, появилась твоя матушка. В руках она несла корзину с цветами. И вот результат. Вместо Вены я оказался в маленьком русском городке.

– Ты ни разу не рассказывал о встрече с матушкой! – Катарину мгновенно охватило любопытство. Она устремила на отца умоляющий взгляд. – Пожалуйста, расскажи, как всё происходило. Ты сразу в неё влюбился?

– С первого взгляда, – признался, улыбаясь, Иоганн Лукас, – я до сих пор не понимаю, почему поступил так странно. Вместо того чтобы уехать, я забрал свои вещи и пошёл следом за твоей матушкой. Я шёл за ней долго. И она меня заметила. Она остановилась и повернулась ко мне. Позже она рассказывала, что приняла меня за грабителя, который хотел отнять у неё цветы, но увидев меня с двумя большими саквояжами, она так растерялась, что не смогла ничего сказать. Я тоже молчал. Мы оба молчали и смотрели друг на друга. Потом я спросил: «есть ли у неё супруг?». Она ответила: «нет». Тогда я предложил ей выйти за меня замуж. Она ничего не ответила. Просто ушла. Я снова пошёл за ней. Она вошла в дом. Я вошел следом за ней. Её родители обедали в это время. Я попросил её руки.

– И что они ответили? – смеясь, спросила у него Катарина.

– Её отец предложил отпустить саквояжи, которые я всё ещё держал в руках. В тот же вечер, я признался ей в любви. Спустя месяц мы поженились. До самого рождения Анны, она мне ни разу не сказала о своих чувствах. И только потом она призналась, что уже в первую встречу влюбилась в меня без памяти. Ты такая же, как твоя мать, – Иоганн ласково потрепал дочь по волосам, – никогда и слова не скажешь о своих чувствах, даже если они причиняют тебе невыносимую боль. Я не раз наблюдал за твоими ссорами с Анной. Она искренне верит в то, что ты её ненавидишь. Ей следовало бы обратить внимание на твои поступки, а не на твои слова. Тогда бы она поняла, как сильно ты её любишь. Или просто посмотреть в твои глаза. В них никогда не бывает ненависти. Только забота и любовь. Жаль, что Анна не понимает тебя.

Катарина не отвечала и не смотрела на него. Иоганн Лукас остановился и взяв дочь за плечи развернул лицом к себе.

– Я прав! Ты смущена и пытаешься увернуться от прямого взгляда, – уверенно заявил он, вглядываясь в её глаза. – Когда ты молчишь, просто собираясь возразить, я вижу спокойствие. Когда собираешься обрушить на меня свои убийственные доводы, в твоём взгляде появляется отчётливое напряжение. А когда смотришь прямо и не отводишь взгляд, это верный признак самого худшего или самого лучшего твоего качества – упорства. Для меня этот взгляд как сигнал к отступлению. Анна и Мария могли избежать многих неприятностей, если б научились распознавать этот взгляд.

Катарина помимо воли рассмеялась. Они двинулись дальше по тропинке. Иоганн Лукас поглядывал в сторону дочери и улыбался. Она тоже улыбалась, но...разглядывая носки своих старых туфель. Судя по всему, она была смущена словами отца. Он никогда раньше не показывал, что настолько хорошо знает Катарину.

– Анна моё сердце, Мария душа, а ты – руки, ноги и голова, – неожиданно признался Иоганн Лукас и ту же спохватившись, попросил прощения.

Катарина звонко рассмеялась и крепче взяла отцу под руку.

– Не извиняйся. Это правда и я её знаю.

– Но это не значит, что я не люблю тебя, – успокаиваясь, заметил Иоганн Лукас. – Я люблю тебя, но не так как Анну и Марию. Им я всегда нужен, а ты всегда сама справляешься...вот и станция...Аристарх Рудольфович наверняка нас заждался...

Разговор прервался. Спустя минуту Иоганн Лукас входило в маленькое помещение, предназначенное для работников станции. Катарина осталась стоять снаружи. Она с любопытством оглядывали людей на перроне, время от времени бросая взгляд на часы, которые готовились преодолеть отметку в пять часов вечера.

Её внимание сразу же привлёк низенький мужчина с весьма впечатляющим брюшком. Откинув край пиджака, он засунул руку в жилет, словно подчёркивая золотую цепочку,

край которой был закреплён поверх кармана. С важным видом поглядывая по сторонам, он в буквальном смысле слова... выудил часы, открыл и демонстративно на них уставился. Его не смущало, что прямо напротив него висели часы такой же формы, но гораздо большей величины. Рядом с ним стояла женщина, судя по всему его супруга и две маленькие девочки. Одежда на всём семействе отличалась прежде всего дороговизной. И это обстоятельство всячески подчёркивалось семейством.

Катарина продолжала незаметно осматривать людей, когда на перроне появилась целая группа мужчин в военной форме. Все они были одеты с иголки и обладали безупречной выправкой. Шагах в четырёх справа от Катарины находилось ещё одно семейство, сплошь состоящее из прекрасного пола. В центре стояла дородная женщина в чёрном платье и усиленно обмахивалась веером, а вокруг неё словно бабочки сгрудились шесть молодых девиц. Едва увидев военных, они стали издавать «ахи» и «вздохи». До Катарины донёсся мечтательный голос одной из них:

– Маменька, не устаю благодарить за ваше великодушие. Музыкальный вечер в Павловске зрелище чудесное. Взгляните как хороши собой эти военные, как воспитаны... возможно вы знаете одного из них?

– Да, маменька, – вторил ей второй голос, – похлопочите о нас. Оставив на время скромность, я бы выбрала того высокого военного, который идёт вторым по счету.

Катарина невольно перевела взгляд на того самого военного, который шёл «вторым по счёту». Он, безусловно, был хорош собой. Да и остальные выглядели весьма неплохо. Но у Катарины они не вызвали ровно никаких чувств, кроме любопытства. Но и оно скоро превратилось в раздражение. Семейство рядом не переставало восхищаться военными, и это обстоятельство выводило её из себя. Она от всей души пожелала отцу возвращаться, дабы как можно скорее избавиться от назойливого общества.

Стали раздаваться паровозные гудки. Люди на перроне воодушевились и задвигались. Спустя несколько минут на станцию медленно вкатился паровоз, таща за собой открытые пассажирские вагоны полные людей. Над открытыми вагонами возвышался целый лес шляпок, цилиндров и фуражек.

Всё вокруг окутало паром. Катарина некоторое время вообще ничего не могла рассмотреть. И уже когда пар рассеялся, она снова увидела военных. Они стояли перед супружеской парой и о чём-то с ними говорили. По отдельным словам и почтительным взглядом, Катарина поняла, что прибыл великий князь Константин Николаевич Романов вместе со своей супругой.

Они почти сразу же ушли в сопровождение военных и ещё каких-то людей. Катарина испытала некоторое злорадство, услышав рядом с собой разочарованные вздохи.

– Как возможно позволить себе подобное легкомыслие? –

в душе поражалась она. — Едва увидев этих военных, они готовы выбрать их себе в кавалеры. Да ещё не стесняясь, говорят об этом своей матушке.

Людей на перроне стало гораздо больше. Посему Катарина на время забыла о семействе и погрузилась в рассмотрение новоприбывших пассажиров. В основном, безусловно это были представители высшего света Санкт — Петербурга. Она сделала этот вывод, не только основываясь на внешности, но и по доносившимся до неё обрывкам слов. Почти все обсуждали предстоящий музыкальный вечер и знакомых, которых они могут встретить на этом самом вечере.

У Катарины перед глазами мелькало одно великолепное платье за другим. Ничего кроме восхищения это зрелище у неё не вызывало.

Она оставалась спокойной вплоть до того мгновения, пока до неё снова не донёсся голос одной из девиц уже знакомого ей семейства.

— Боже, Лиза, ты только посмотри на этого военного. До чего ж он хорош собой...мне сейчас станет дурно...

— До чего ж они дурно воспитаны, — с раздражением подумала Катарина и тут с некоторым удивлением услышала второй голос.

— Ой...он и правда бесподобен...я кажется, влюбилась в него...

Любопытство оказалось сильнее. Катарина незаметно скосила взгляд вправо и увидев куда смотрело всё семейство,

проследила эти взгляды. Шагах в двадцати от неё стоял высокий молодой человек лет двадцати в мундире лейтенанта морского флота. Он держал в руках фуражку и оглядывался по сторонам. Великолепная белоснежная форма идеально облегла тело, а черты лица отличались благородством и мягкостью. В сочетании с голубыми глазами и тонкими усиками они могли представлять серьёзную угрозу для любой женщины. И эта угроза становилась гораздо осязаемее из-за выражения лица. Мало того, что офицер выглядел неотразимо, он ещё и радостно улыбался. А глаза буквально сияли от счастья. От него буквально волнами исходило очарование. И одна такая волна понеслась в сторону Катарины.

Вначале ей показалось, что она видит перед собой...скульптуру. Она не могла оторвать взгляда от офицера ни на мгновение. Он так сильно её притягивал к себе, что она неосознанно сделала несколько шагов вперёд, совершенно не отдавая себе отчёт в том, что со стороны такое внимание выглядит, по меньшей мере, весьма некрасиво.

Внезапно, все люди на перроне исчезли. Появилась площадь и...музыка. Она увидела свою руку в другой руке. Она танцевала и видела перед собой лицо этого офицера.

Видение длилось лишь одно короткое мгновение или больше? Катарина не знала. Когда она пришла в себя, офицера нигде поблизости не оказалось. Он исчез. Не оглядываясь по сторонам, Катарина вернулась назад и прислонившись к стене здания посмотрела на свои руки. Они дрожали.

Она несколько раз подула на них, видимо полагая, что они замёрзли в летнюю погоду. Не помогло. Тогда она решительно затрясла руками. Но результат оказался совсем неожиданный. Внутри неё возникла волна ужасающей силы. Сметая всё на своём пути, она обрушилась на Катарину и в мгновение ока подчинила своей воле. Забыв обо всём включая собственного отца, она бросилась на поиски офицера.

Глава 11

Павловский вокзал включал в себя целый комплекс зданий и сооружений, включая гостиницу, ресторан, летние галереи и парк с павильонами, каналами, мостиками и прочими восхитительными мелочами.

Сюда приезжали целыми семьями. День проходил в прогулках по парку, поеданию всякого рода вкусностям и прочих увеселениях. А вечером, оставив детей на попечение гувернанток, родители отправлялись на концерт. Те же, кто приезжал без детей, с удовольствием прогуливались по летним галереям в одиночестве или под руку со своей спутницей или спутником. Народу всегда приезжало много. Благо поезда из Санкт – Петербурга приходили на станцию едва ли ежедневно.

Оркестр располагался на открытой террасе второго этажа Павловского вокзала, а площадь перед зданием становилась огромным концертным залом и танцевальной площадкой. Выступали всегда самые известные музыканты. Последнее обстоятельство превращало Павловск из простого провинциального городка в культурный и музыкальный центр России.

Всё именно так обстояло и в этот день. Дети гуляли по парку в сопровождение гувернанток, вкушая различные сладости. Позади них шли родители. Другие гуляли по летним террасам. А иные столпившись на берегу крохотного пруда с

восторгом наблюдали за плавающими лебедями. По каналу, выстроившись одна за другой, плыли одна за другой лодки. За веслами, как правило, располагался мужчина, а женщина или семейство занимали место на носу лодки. Женщины закрывались от палящего солнца зонтами, а мужчины обливаясь потом делали вид будто никогда не чувствовали себя лучше чем сидя за вёслами под палящими лучами.

В ожидании прибытия Петра, Анна прогуливалась по Павловскому парку вместе с его другом Артуром. Артур всё время расточал Анне комплименты, которые она принимала с вниманием достойным будущей графини Азанчеевым. Они заходили всё дальше и дальше. А людей рядом с ними становилось всё меньше и меньше. Так продолжалось до тех пор, пока они не остались в полном одиночестве. Убедившись, что они одни, Артур взял руку Анны и приложился к ней страстным поцелуем. Анна никак не отреагировала на этот поступок. Только высвободила руку и пошла дальше. Артур догнал её и пошёл рядом с ней. Он ничего не говорил. Анна тоже молчала. Так молча они вступили на мост Кентавров. Артур давно питал чувства к Анне, но тщательно скрывал их ото всех. Он не раз пытался поговорить с ней, но всё время не получалось. Но сейчас, когда они остались совершенно одни, такая возможность представилась.

– Я люблю вас, Анна!

– Я собираюсь замуж за Азанчеева, – ответила на это Анна.

– Вы любите его?

Анна не отвечала. Тогда Артур схватил Анну за плечи и развернул к себе лицом. Он одно мгновение всматривался в лиц Анны, а потом...впился в её губы и начал целовать. Анна почти сразу же ответила на поцелуй. В это миг на тропинке появился брат Анны, Никита. Он увидел, как Артур и Анна целуются. Заслышав звук шагов, Анна и Артур быстро разомкнули объятия. Анна пошла дальше, а Артур остался стоять на мосту. Никита подошёл к Артуру и с хмурым видом бросил:

– Не будь сволочью! Анну любит Пётр!

– Я тоже люблю Анну, – ответил на это Артур.

Никита отрицательно покачал головой.

– Нет, ты её не любишь. Ты просто завидуешь Петру. Ты всегда ему завидовал. Теперь я понимаю смысл всех этих язвительных насмешек над чувствами Анны и Петра. Ты их хотел посорить и нас втянул в это. Никогда не думал, что ты настолько низкий человек.

– Остановись, иначе придётся пожалеть, – предостерёг его Артур с весьма мрачным видом.

– Я уже пожалел. Пожалел, что называл тебя своим другом.

Никита повернулся и бросился вдогонку за сестрой. Вскоре он её догнал и зашагал рядом с ней.

– Это был всего лишь невинный поцелуй, – не глядя на него сказала Анна. – Ничего серьёзного. Я люблю Петра.

– Анна, не играй с Петром, – предостерёг её Никита. – Если Пётр узнает о твоём невинном поцелуе, всё закончится плохо. Очень плохо.

– Ты... ему скажешь?

– Нет. Но я промолчу не ради того чтобы скрыть твой мерзкий поступок. Я сделаю это только из уважения к чувствам Петра. Сегодня у него помолвка. Я не хочу омрачать самый счастливый день в его жизни. Но ещё одна подобная выходка и я ни на что не посмотрю. Скажу, даже если буду знать, что убьёт тебя. А ты подумай ещё раз, стоит ли тебе выходить за него замуж.

– Я люблю его!

– Видимо, нет, раз позволяешь другим мужчинам целовать себя. Ладно. Там уже все тебя ждут. Пётр приехал. Ищет тебя. Подумай хорошенько. Помолвка состоится только через три часа. Время у тебя ещё есть.

Оставив сестру, Никита быстро зашагал прочь.

Глава 12

С Катариной творилось нечто очень странное. Вначале она бросилась на поиски этого офицера, но потом словно осознав весь ужас своего поступка, она заставила себя пойти домой. Удивительно, что обретя относительное спокойствие, она так и не вспомнила об отце. А ведь он мог остаться и ждать её или пойти на поиски. Все мысли Катарины занимал этот самый офицер. Она запомнила его лицо в мельчайших деталях. Запомнила лучше, чем лица сестёр и даже отца. И это лицо постоянно стояло у неё перед глазами. Она даже иногда останавливалась и обходила его. Но по понятным причинам, такое действие не приносило ожидаемого результата.

Желание увидеть его снова усиливалось с каждым мгновением, превращаясь в нестерпимую боль.

– Не смей даже думать, – повторяла она, имея в виду саму себя, – он обычный военный и ничем не отличается от других военных. Так что забудь его и иди домой.

Возникло короткое молчание, после которого Катарина разразилась на себя гневной тирадой.

– Ты не посмеешь вернуться, не посмеешь...это даже не легкомысленный поступок...это низость и даже подлость...откуда вообще такие мысли берутся? Ещё немного и ты станешь такой же, как Анна. Даже хуже...она хотя бы

просто разговаривает с незнакомыми мужчинами, а ты готова бежать к нему... как это мерзко... как недостойно... я тебе не позволю, никогда не позволю опуститься до такой степени... иди домой, помогай отцу и ссорься с Анной как ты делаешь это всегда... или танцуй одна... всё что угодно только не смей возвращаться... прошу тебя...

Катарина остановилась, закрыла двумя руками лицо и с отчаянием прошептала:

– Что со мной происходит, господи? Я должна его увидеть ещё раз, должна... но он... никогда не обратит на тебя внимания... ты для него никто... ничего кроме презрения ты не получишь... – она боролась с собой из последних сил, но не выдержала и сдалась собственным чувствам.

Не задумываясь о том, что она делает и чем это может обернуться, Катарина со всех ног бросилась обратно.

Только недавно Катарина отвергала любую возможность присутствия среди представителей высшей знати. А сейчас, она ходила среди них в стареньком платье и поношенных туфлях, с распущенными волосами и заглядывала едва ли каждому в лицо. Одни отшатывались от неё в сторону, другие провожали удивлёнными взглядами. А Катарина искала и искала офицера, позабыв обо всём на свете.

Она увидела его совершенно неожиданно. Офицер стоял спиной к ней, но Катарина сразу почувствовала, что это он.

Пётр находился в полном одиночестве. Он подкармливал лебедей кусочками хлебами. Замечтавшись об Анне, он со-

вершенно не замечал того, что происходило вокруг. В противном случае он попросту не смог бы не обратить внимания на странное поведение Катарины. Вначале Катарина обошла его с левой стороны и попыталась рассмотреть лицо, но поскольку Пётр стоял у самой кромки воды и его взгляд был обращён на пруд, сделать это ей не удалось. Тогда Катарина сделала полукруг и обошла его с правой стороны. Когда снова не получилось, она отошла назад, а затем, ускоряя шаг, направилась напрямиком на него.

Пётр ничего не замечал до той самой поры, пока на него не налетела Катарина. Он успел подхватить её за талию и не дал опрокинуться на землю. На какой-то миг их руки сплелись. Пётр помог ей подняться и в этот миг услышал очень странные слова:

– Я...я не смогла сдержаться...

Пётр вначале устремил удивлённый взгляд на незнакомку, но затем открыто улыбнулся.

– Вероятно, вы сударыня имели в виду слово «удержаться»? – уточнил он и, отследив неуверенный кивок, поклонился. – Граф Пётр Азанчеев. Это мне должно попросить прощения. Я должен был заметить вас раньше!

– А ты не теряешь времени зря? – раздался рядом с ними вкрадчивый голос Анны. Она подошла к Петру и устремила неприязненный взгляд на Катарину. Пробормотав невнятные слова, Катарина поспешно отошла в сторону.

– Какой ужас, какой стыд...как я могла опуститься до та-

кой низости, — в смятении шептала Катарина.

Анна смотрела вслед Катарине с откровенным презрением. Под стать взгляду прозвучал и голос.

— Пётр, кто это грязная нищенка?

— Понятия не имею, — ответил Пётр и тут же шёпотом добавил. — Дорогая Анна, вам следует высказываться более мягко в отношении других людей. Где вы были Анна? Я жду вас уже около часа.

Женщина что-то ответила, но Катарина уже не слышала. В сердце с каждым ударом звучало имя «Пётр». Она хотела уйти, бежать со всех ног, но так и не смогла этого сделать. Даже презрительные слова, брошенные ей вслед, не произвели должного впечатления. Катарина попросту не замечала их. Она остановилась в десяти шагах и устремила взгляд на лебедей. Катарина составляло резкий контраст со всеми, кто находился в парке. Но ей не было никакого дела до них. Она пыталась смотреть на лебедей, но голова то и дело поворачивалась в сторону Анны и Петра. Катарина хорошо слышала каждое слово.

— Я заслужила ваше прощение? — спрашивала Анна. — Если нет, так я готова просить прощение весь оставшийся вечер. Простите меня, Пётр. Я так замечталась о вас, что потеряла счёт времени.

— Родная, любимая моя Анна, смогу ли я отплатить за вашу доброту, нежность и столь удивительные и милые моему сердцу слова? — пылко отвечал на это Пётр.

– Я ваша невеста, Пётр и всецело принадлежу вам. Помните об этом всегда. Все мои мысли всегда о вас и только о вас. Я люблю вас и с каждым днём всё сильнее.

Раздался смех. Подхватив под руку Петра, Анна повела его за собой. То и дело слышался счастливый голос Петра и слова любви, предназначенные для Анны.

Постепенно всё вокруг Катарины пустело. Люди уходили. Она же не отрывала взгляда от двух лебедей. Они долго тёрлись шеями, а затем, прижавшись, друг к другу медленно поплыли.

Катарина чувствовала себя всё хуже и хуже. Она всё слышала и чувствовала себя так, словно потеряла очень дорогого человека. Она даже не пыталась бороться с собой. Она стояла и...оплакивала в душе разлуку с человеком, который за короткие мгновения стал до боли близким и родным.

Где-то поблизости зазвучали чарующие звуки «Павловского вальса». Услышав звуки музыки, Катарина пошла на них. Она хотела увидеть его ещё раз для того чтобы...попрощаться.

И она увидела его. Пётр танцевал с Анной. Его лицо сияло от счастья. Он так радовался, когда она так страдала. Чувствуя невыносимую боль, Катарина бросилась прочь.

Иоганн Лукас ждал дочь до поздней ночи. Её отсутствие тревожило его всё сильнее и сильнее. Он уже собирался отправиться на поиски Катарины, когда она вошла домой. Он

собирался, как следует отрубить дочь, но так и не сделал этого. Выражение её лица совершенно ошеломило его. Катарина молча прошла за печь и почти сразу же вышла, держа в руках ножницы, карандаш и несколько листов бумаги. Она села и разложила всё на столе. Потом взяла один лист бумаги и разрежала на четыре части. Три отложила в сторону, а одну часть положила перед собой и взяла карандаш.

Весь облик Катарина, её взгляд, даже движения выглядело очень и очень необычно. И вскоре Иоганн Лукас понял, что именно он увидел в дочери. В ней словно остановилась жизнь.

– Катарина, – тихонько окликнул он дочь, но она его не слышала. Тогда он подошёл, наклонился и поглаживая голову дочери снова её позвал.

– Я словно снова потеряла мамушку, – раздался в ответ горестный шёпот, – я не знаю, не понимаю что происходит со мной... почему я веду себя так плохо... и почему зная обо всём... не могу смириться...

Иоганн Лукас пытался вникнуть в слова дочери, но они звучали бессвязно и ничего ему не могли объяснить. Он хотел поговорить с ней, но понимал, что она не сможет его услышать в таком состоянии. Пока он молчал, раздумывая как ему поступить, Катарина начала рисовать. Она прекрасно рисовала с детства. Штрих следовал за штрихом, линия за линией. Очень скоро на бумаге появилось очертания мужского лица. С каждым мгновением оно становилось всё бо-

лее отчётливым. Катарина старательно выводила каждую деталь лица. Чем дольше она рисовала, тем печальнее становилась. Заметив в её глазах слёзы, Иоганн Лукас совершенно растерялся. Катарина никогда не показывала своих чувств. Чтобы ни случилось, она никогда не плакала.

– Катарина, – начал было Иоганн Лукас, но не смог продолжить. Из глаз Катарины одна за другой выкатывались слезинки и падали на бумагу, размывая рисунок. Она плакала и пыталась восстановить размытые линии. Но слёзы текли снова, вновь размывая линии. Она снова их восстанавливала, и снова они размывались. Со стороны это было похоже на некое безумие. Иоганн Лукас внезапно понял, почему его дочь находится в таком состоянии.

– Бедное дитя...ты полюбила... – воскликнул он.

Двумя днями позже, семьи Азанчевых провожали своих сыновей. Все четверо, Андрей, Никита, Артур и Пётр отправлялись вместе на войну. Их путь лежал в Крым, на корабли Черноморского флота. Перед самым отъездом Петра, Олег отвёл его в сторону. Олег долго молчал, а потом обнял Петра и прошептал:

– Береги себя, слышишь? Береги себя!

Глава 13

Все попытки поговорить с Катариной после того самого вечера, когда Иоганн Лукас увидел её плачущей, оказались тщетными. Катарина упорно отказывалась отвечать на вопросы отца. Как только он пытался заговорить с ней на эту тему, Катарина либо сразу уходила, либо находила себе дело и молча им занималась. Иоганна Лукаса беспокоило поведение Катарины всё больше и больше. Но он прекрасно знал характер Катарины. Если она не хотела говорить, ничто не могло на неё повлиять. Она, как и её покойная матушка, хранила чувства глубоко в душе, оберегая их от всех. И неважно, какими были эти чувства.

Иоганн Лукас сразу понял, какие именно чувства испытывала Катарина, но он и представить не мог, что они приведут к столь резким изменениям в поведение Катарины. Она продолжала выполнять всё то, что делала раньше и даже с большим усердием. Но на этом всё сходство с прежней Катариной заканчивалось. Она всё чаще и чаще уходила из дома, предпочитая прогулки в одиночестве любым другим занятиям в свободное время. Её больше не радовали разговоры с отцом, хотя она и продолжала с ним беседовать. Она всё реже ссорилась с сёстрами, а порой даже отмалчивалась, когда они нападали на неё с несправедливыми упрёками. Чего раньше никогда не наблюдалось. С каждым днём, Катарина

всё больше отдалялась от семьи, и Иоганн Лукас не видел никакой возможности воздействовать на дочь.

Так продолжалось до одного очень удачного вечера для семьи Лукас. Однажды его срочно вызвали к роженице. Ею оказалась супруга богатого купца, которая вместе с семейством направлялась в Санкт-Петербург. Роды разрешились самым лучшим образом. Супруг и счастливый отец щедро наградил его за труды. О чём на следующее утро Иоганн Лукас радостно сообщил всем трём дочерям. И здесь произошло удивительное событие. Катарина, прежде никогда не проявлявшая особого интереса к подобного рода событиям, вдруг оживилась. Мог ли Иоганн Лукас не радоваться столь благодостным переменам. Он сразу и без малейших колебаний отнёс в сторону просьбы Анны и Марии.

– Я достаточно вас баловал подарками, теперь настал черёд Катарини, – сказал Иоганн Лукас. И уже обращаясь к самой Катарине, спросил, чего она хочет.

Анна и Мария только плечами пожимали. Катарина никогда и ничего не просила. Посему, они пришли в крайнее удивление, когда услышали, как она сказала:

– Хочу, папенька!

– Проси всего что пожелаешь! – обрадовался Иоганн Лукас. – Обещаю, я сделаю всё, что только в моих силах.

– Давайте снова поедem в Санкт-Петербург и купим наряды для Анны. Ведь ей первой выходить замуж. Только поедem как в прошлый раз. Мне хочется посмотреть...на тот

дом, который так понравился Анне. В прошлый раз мне не удалось его рассмотреть, – попросила, краснея Катарина.

– Особняк графа Азанчеева? – воскликнул Иоганн Лукас, вгоняя Катарину в ещё большее смущение. – И нечего стыдиться, – добавил он, неправильно истолковав смущение Катарины. – Это прекрасный поступок. Впрочем, я и не ожидал услышать ничего иного. Ты всегда заботишься о сестрах. Особенно об Анне, – Иоганн Лукас сопровождал свои слова выразительным взглядом. Но взгляд был совершенно излишним. Анна пребывала в полной растерянности. Чтобы Катарина попросила купить ей платье? Невозможно. Она издевается надо мной, – решила Анна. Только она собиралась обрушиться с упрёками на Катарину, как услышала её голос:

– Папенька, прошу вас, поедem прямо сейчас... не то ведь не успеем?!

Радостно отследив кивок отца, Катарина ласково положила руку на плечо Марии и так же ласково сказала:

– В следующий раз мы обязательно купим и для тебя нарядов. Но сейчас... только для Анны. Пусть хотя бы один день в её жизни станет настоящим праздником.

Катарина ушла готовиться. Вслед за ней ушёл и Иоганн Лукас. Анна не могла сдвинуться с места. Ею владело оцепенение:

– Да как такое возможно? – бормоча, повторяла она.

– На самом деле Катарина всегда о нас заботилась. Мы лишь не желали признавать эту истину.

Мария вслед за Катариной вошла в комнату.

Следом за сёстрами вошла Анна. Она никак не могла поверить в искренность Катарины. Ей казалось, что она засмеётся и скажет, что пошутила. Но всё оказалось самой настоящей правдой. К величайшему удивлению и радости Анны, спустя час семейство Лукас сели на поезд, следующий с Павловского вокзала в Санкт-Петербург.

Во второй половине дня всё семейство уже выбиралось из лодки напротив особняка Азанчеева. Здесь семейство по настоятельной просьбе Катарины разделилось. Она осталась на берегу, а Иоганн Лукас с Анной и Марией отправились в гостинный двор за покупками. Катарина обещала вскоре присоединиться к ним. Лукас даже не удивился просьбе Катарины. Она в последнее время вела себя столь странно, что он уже ничему не удивлялся. Он наделся, надеялся, что её печали пройдут и Катарина станет прежней.

Поступками Катарины управляла столь мощная стихия, что она едва не постучала в дверь. Она не знала, что скажет и как сможет объяснить свой приход, но чувствовала, что умрет, если не увидит его ещё раз. Один раз, только один раз посмотреть на него, и я никогда более его не потревожу – повторяла она как заклинание. Никакие доводы рассудка не помогали. Она приводила сотни себе причин, по которым она должна немедленно присоединиться к семейству, но все они рассыпались в прах. Катарина напрягала все свои силы, чтобы избежать того позора, который наверняка ждал её в доме

Азанчевых, но рука так и тянулась... к розе переплетённой с мечом. Ожесточённая борьба грозила завершиться полным поражением, но к счастью из дверей дома вышел здоровенный мужик. Это был кучер Фёдор. Он закрыл за собой дверь и с откровенным удивлением посмотрел на Катарину.

– Мне необходимо увидеть графа Азанчева. Он дома? – Катарина пришла в ужас от собственных слов. Она даже не предполагала, что слова ровно, как и чувства станут жить собственной жизнью.

– Граф Пётр Азанчев? – переспросил Фёдор и тут же, нахмурившись, ответил. – Ушёл-то барин. На войну ушёл. Теперича разве только через год возвернётся. А может и более. Даст Бог живым и здоровым вернётся. Худо тебе? – Фёдор всматривался в лицо Катарины. Оно менялось с каждым мгновением, пока не стало мертвенно бледного цвета. – Переживаешь за барина? – понял он и признался, что все в доме беспокоятся за него. – Сходи помолись за барина. Легче станет. А знаешь что? Я тут собрался идтить за барина помолиться. Хочешь со мной? – предложил неожиданно Фёдор. Отследив едва различимый кивок, Фёдор повёл Катарину по направлению к Исаакиевскому собору.

Голова Фёдора то и дело поворачивалась в сторону Катарины. И каждый раз в них светилось подлинное изумление. Ему давно следовало уйти, но он никак не мог этого сделать. И причиной тому была Катарина. Вернее её слова.

Фёдор слышал как сокрушались по барину и его невеста, и брат и даже Ольга Владимировна, но даже близко не испытал того благоговейного трепета, который навевали слова незнакомки. Она не плакала и не стенала как остальные. Она стояла на коленях подле иконостасом и устремив взор куда-то вниз, разговаривала... то ли с собой, то ли с барином, то ли с одним из святых во множестве изображённых на иконах.

– Ах, Пётр, Пётр, – молитвенно сложив руки, с закрытыми глазами шептала Катарина. И в голосе том было столько тоски, что некоторые из моливущихся, подобно Фёдору оставив собственные помыслы, обратили взоры к Катарине. – Простите меня, простите, я не смогла с вами попроситься, не смогла проводить в страшный путь, уготованный вам судьбой. Я так спешила, так спешила, но не успела. Я виновата перед вами... виновата в том, что не оказалась рядом в тяжёлый для вас час, не обняла, не сказала какой вы прекрасный человек, не призналась в своих чувствах, не поклялась, что каждый из дней моей жизни будет принадлежать вам и только вам. Я клянусь сейчас. Клянусь в том перед Богом. Я буду молиться, ждать и... любить...

Фёдор не мог далее оставаться в церкви. Его могли хватить. Надо же, – думал он покидая церковь, – любит-то как нашего барина. А он видать так и не полюбил. Да и с чего любить-то? У него красавица невеста есть. Не чета этой... бедняжке. Жаль её, да что тут поделаешь.

Когда Фёдор возвращался, у самого дома к нему подошёл

незнакомый человек и взволновано спросил: Не видел ли он молодую девушку, черноволосую в жёлтом платье?

– Как не видеть?! – отвечал Фёдор. – Печалилась больно. Сам проводил в «Исаакий». Она и сейчас там.

Мужчина несколько раз поблагодарил Фёдора. Это был Иоганн Лукас. Долгое отсутствие Катарины вызвало у него беспокойство. Он вернулся и не обнаружил дочь. Тогда заволновался ещё больше и начал расспрашивать прохожих. К счастью ему почти сразу же попался Фёдор. Иоганн Лукас поспешил в Исаакиевский собор. И действительно, Катарина находилась там. Она не прекращала молиться. Иоганн Лукас подошёл к ней и хотел окликнуть, но так и не сделал этого. До его слуха донесся шёпот дочери:

– Я знаю, что вы не любите меня и никогда не полюбите...возможно вы даже презираете меня или...ненавидите...я и это приму с покорностью, но...даже вы не сможете запретить мне любить вас...никто не сможет. Даже мне это не по силам. Моё сердце принадлежит вам, Пётр, принадлежит с того самого мгновения когда я увидела вас на станции...отныне и навсегда...только вы...только вы один, Пётр...

– Катарина, – Иоганн Лукас окликнул с глубокой нежностью.

Катарина вздрогнула, повернулась и устремила на отца невидящий взгляд. Иоганн Лукас взял её за плечи и помог подняться.

– В Павловске есть церковь. Сможешь там помолиться. А сейчас, пойдём, пойдём. Время позднее. Не успеем уехать.

Слово за слово, Иоганн Лукас вывел Катарину из собора. Он повёл её в гостиной двор. Там уже ждали Анна и Мария. Прихватив покупки, они отправились в обратный путь. За всю дорогу до самого Павловска, Катарина не проронила и слова. Как и Иоганн Лукас. Он смотрел на Катарину и отчётливо понимал, что ничем не сможет ей помочь.

Глава 14

Одним из поздних вечеров, приблизительно через две недели после отъезда сына, Ольга Владимировна вышивала в гостиной. Она вышивала тёплый свитер и думала о Петре. Где он? Добрался ли? Где служит? И бережёт ли себя? К общему в таких случаях беспокойству добавлялись и многочисленные слухи о сотнях кораблях противника с несколькими тысячей пушек и огромной армией. И вся эта громада направлялась к берегам Крыма. Об этом писали все газеты Санкт-Петербурга. Ольга Владимировна, ранее не выносившая всех этих сплетен, как она их называла, теперь каждое утро начинала с чтения газет. Каждый раз она выискивали признаки улучшения обстановки, но так и не находила. Рано или поздно снова наступит мир, — успокаивала она себя после каждого прочтения.

И сейчас она думала о сыне и войне. К беспокойству добавлялась и некая гордость за Петра. Она знала его и знала, что он никогда не посрамит имя Азанчеевых. Но как бы на рожон не полез? Вопросы и противоречия. Они владели Ольгой Владимировной всё время. Наверное, как и любой любящей матерью. Она не могла не беспокоиться за сына. Как не могла не понимать, что он обязан был выполнить свой долг.

В гостиной появился Олег. Он выглядел совершенно трезвым. После отъезда Петра, он ни разу не прикоснулся к

спиртному. Всё время старался поддерживать Ольгу Владимировну, хотя и сам беспокоился за Петра не меньше её. Его что-то тревожило. Ольга Владимировна поняла это, когда Олег закинул ногу на ногу и начал тереть колено правой рукой. Он делал это неосознанно. Он всегда это делал неосознанно. Ольга Владимировна хорошо знала эту его привычку. Она означала, что Олега что-то мучает.

– Рассказывай! – продолжая вышивать, негромко проронила Ольга Владимировна.

Олег устремил на неё недоумённый взгляд.

– Вы о чём, матушка?

– Ты чем-то взволнован. Я это вижу и хочу узнать причину!

Олег сразу помрачнел. Ольга Владимировна заметила эти перемены и от волнения даже перестала вышивать.

– Судя по всему, всё даже хуже чем я думала. Ты получил весточку... от Пётра?

– В каком-то смысле, да!

– Он... ранен?

– В каком-то смысле, да!

– Олег! Что случилось?

– Мы должны помешать этой свадьбе. Пётр не должен жениться на Анне!

Ольга Владимировна облегчённо вздохнула, но только для того, чтобы обрушиться с упрёками на Олега:

– Да как ты можешь, Олег? Разве тебе не совестно? Твой

брат на войне, перед лицом смерти...

– Вот именно, – гневно закричал Олег, – Пётр на войне, а она, его невеста, проводит время в увеселениях. И ты хочешь, чтобы я на всё это спокойно смотрел?

– О чём ты говоришь, Олег?

– Я только что от Малобольских, – Олег успокоился так же внезапно, как и разозлился. – Анна там. Танцует, веселиться. В общем, счастлива вполне. Возле неё увиваются десятки ухажёров. И почти все величают её графиней Азанчевой. Она с ними танцует. И не только, но и позволяет всякие мелкие вольности. И это на виду всего общества. Ведёт себя с непозволительной легкомысленностью. И не только по отношению к Петру, но и к нашей семье. Мне по этому поводу уже высказали. Оказывается, это не первый выход Анны. Она просто умиляется своей будущей роли в качестве графини Азанчевой. И бывает везде, где только возможно. Да и матушка её ничуть не отстаёт от дочери.

Ольга Владимировна с недоверчивостью выслушала сына.

– Анна совсем не такова, какой ты её описываешь!

– Да снимите уж свои очки, матушка! Вы в них ничего не видите! – раздражённо ответил Олег. – Анне нужен граф Азанчеев и все преимущества, которые с ним связано. До Петра ей дела нет. Она твердит, что любит его. Но разве так ведут себя любящие люди? Только он уехал, она начала кокетничать и жеманиться. Да и ещё всякий раз намекать кому не лень о том, что её уже сейчас вполне можно считать гра-

финеи и относиться соответственно.

– Мне странно всё это слышать. Я никогда не представляла Анну такой, какой ты её описываешь.

– Матушка, она показывала лишь то, что Пётр хотел видеть. Она знает, что он влюблён в неё без памяти вот и бессовестно пользуется этим. Она и меня пыталась унижить. Ещё до помолвки указала на дверь.

– Невозможно! – бледнея, вскричала Ольга Владимировна.

– Вы же не думаете, что я могу солгать вам, матушка?

Ольга Владимировна отрицательно покачала головой.

– Я молчал только потому, что она относилась с должным уважением к моему брату. Но его я унижать не позволю. Я хочу поехать к ней и откровенно поговорить.

– Я сама поеду. И немедленно.

Ольга Владимировна отложила вышивание и затрясла в колокольчик. Как только пришла Лиза, она приказала приготовить карету.

– Еду к Анчуковым!

Лиза была удивлена поздним визитом, но не сказала и слова. Она молча кивнула и быстро удалилась.

– Я подожду вас здесь! – сказал Олег вслед уходящей Ольге Владимировне.

Ольга Владимировна переоделась и уже через четверть часа ехала в карете, направляясь в дом к Анчуковым. Ей не верилось, что Анна способна вести себя столь непозволитель-

но. Просто не верилось. Она не думала о том, как объяснит свой визит. Ей хотелось глядя в глаза Анне задать вопросы, которые появились после рассказа Олега.

Карета остановилась. Прежде чем Фёдор открыл дверь, Ольга Владимировна слышала смех. Вне всякого сомнения, смеялась Анна. Этот смех неприятно резанул ей слух. Он звучал развязно с изрядной долей вульгарностью. Ольга Владимировна резко отворила дверцу кареты и вышла. Взгляду ей предстала карета запряжённая четвёркой лошадей. Справа от кареты, недалеко от освещённого входа, ведущего в дом Анчуковых... стоял незнакомый мужчина. Он стоял на коленях перед Анной и покрывал поцелуями её руки. Она и не пыталась убрать их. Она смеялась и подзадоривала кавалера.

– Как вы смеете? – гневно закричала Ольга Владимировна.

Мужчину словно ветром сдуло. Он прыгнул в карету. Через мгновение она резко тронулась с места и укатилась.

– Простите, – пробормотала Анна, – это всего лишь...

– Следуйте за мной! – резко оборвала её Ольга Владимировна, направляясь к двери. Дверь была отворена. Видимо ждали Анну. В холле Ольгу Владимировну встретила с распростёртыми объятиями хозяйка дома. Но она так и застыла, когда послышался ледяной голос Ольги Владимировны:

– Ярываю помолвку. Я так же категорически запрещаю использовать имя моего сына вместе с именем Анны. Прощайте!

– Пётр, сам попросил меня веселиться. Не понимаю, чем вы недовольны? Да и какое вы имеете право вмешиваться в отношения графа Азанчеева и его невесты? – с откровенным вызовом спросила Анна.

– Прекрасно, что мне довелось увидеть ваше подлинное лицо! – Ольга Владимировна бросила на Анну презрительный взгляд. – Надеюсь, в дальнейшем вы избавите нашу семью от своего внимания?!

– Зря надеетесь! – криво усмехаясь ответила Анна. – Пётр любит меня. Ни вы, ни кто другой, не сможете изменить эту истину.

– Использовать чувства Петра... мерзко. Просто мерзко. Других слов я не нахожу. В ближайшее время Пётр будет извещён о моём решении. Вам никогда не стать графиней Азанчеевой. Никогда. Я позабочусь об этом.

– Не вам решать, кто станет графиней Азанчеевой! – крикнула ей вслед Анна.

Ольга Владимировна вышла на улицу и села в карету. Её всю трясло.

– Как я могла так ошибиться в Анне? – повторяла она до самого дома.

Едва увидев Ольгу Владимировну, Олег вскочил на ноги.

– Всё гораздо хуже, чем ты рассказывал, – с ходу бросила Ольга Владимировна. – Анна ведёт себя просто омерзительно и даже не пытается это скрыть. Я не хочу волновать Петра, сейчас, когда он в опасности. Но как только он приедет, я

всё ему расскажу. Я скорее умру, чем позволю ему жениться на Анне.

Анна же в это самое время, захлопнула дверь перед самым носом матери, которая всё пыталась вызнать причину ссоры с Азанчеевой. Анна не собиралась слушать мать. Она вообще никого не собиралась слушать. Она чувствовала тягу к жизни и развлечениям, но при этом и мысли не допускала о том, чтобы расстаться с мечтой, которую она лелеяла целых пять лет, с момента встречи с Петром. Поразмыслив о своём положении и возможных будущих неудобствах, Анна решила опередить Ольгу Владимировну. Пётр должен был от неё всё узнать. Анна прекрасно знала его характер. Он никому не позволял задевать Анну. Он бы и матери не позволил.

Через минуту, Анна уже писала письмо:

«Дорогой, мой самый дорогой на свете человек! Мой милый и нежный Пётр! Мой жених и будущий супруг! Моя бесконечная любовь и смысл жизни! Ты и представить не можешь, как я тосковала по тебе всё это время. Каждый день, с утра до вечера я думала о тебе. Сотни вопросов и все страшные. А если, в то время, когда я думаю о тебе, ты находишься в смертельной опасности? Может, ты ранен? Может тебе холодно или голодно? Напиши мне Пётр, напиши, иначе я сойду с ума, или умру, мучаясь от неизвестности. Ах, Пётр, как же тяжела разлука с тобой...я смею надеяться, что и ты скучаешь по своей Анне. Хотя, может я и ошибаюсь. Ты та-

кой красивый и возле тебя столько женщин...они смотрят на тебя так, что мне хочется убить их всех до одной, но сначала закричать: Не смейте на него смотреть! Только я могу, только я...Мне так тоскливо, так тоскливо. Сегодня, я впервые позволила себе ненадолго выйти из дома и сразу прокляла себя за это. На улице меня поджидал меня какой-то мужчина. Он бросился на колени и прежде чем я успела понять что происходит, он...он поцеловал мою руку. Но хуже всего то, что ваша уважаемая матушка стала свидетельницей этой гнусной сцены. Я ничего не успела ей объяснить. Не успела ничего сказать в свою защиту. Она совершенно справедливо отчитала меня. Я понимаю, что сама во всём виновата. Бесконечно виновата перед тобой и твоей матушкой. Я готова была на коленях вымаливать у неё прощение, но она слушать ничего не пожелала. Она запретила приходить к вам в дом. Но не только. Даже не знаю, как и сказать...ваша матушка разорвала нашу с вами помолвку и наше с вами будущее. Я люблю вас всей душой, но вынуждена с покорностью принять решение вашей матушки. Прощайте Пётр. Это моё последнее к вам письмо.

P.S. У меня к вам последняя просьба. Ничего не говорите вашей матушке. Я бы не хотела стать причиной ссоры между вами. Несмотря ни на что, я буду ждать вашего возвращения. С любовью к вам, Анна.

Анна сложила письмо и надписала сверху: Отправить в штаб Черноморского флота, графу Азанчееву.

Глава 15

Тем временем, все четыре лейтенанта прибыли в Севастополь, на место своей будущей службы. Первым делом следовало отправиться в штаб и получить назначение на корабли. Этим они и занялись. Пётр, Никита, Артур и Андрей шагали по улицам Севастополя и полный грудью вдыхали морской воздух. Сбылась их мечта. Очень скоро они будут на корабле и вступят в бой с противником.

Андрей толкнул в бок Петра.

– Ты тоже заметил?

Пётр кивнул. Город им показался мрачным. На улицах находилось немало гражданских и военных. Все как один выглядели подавленными. В воздухе так и висела гнетущая тишина.

– Я тоже заметил, – подал голос Артур. – А ты? – вопрос был адресован Никите.

– Не твоё дело! – огрызнулся в ответ Никита.

Пётр и Андрей, только и могли, как осуждающе покачать головой. Никита всю дорогу беспричинно злился на Артура. И это злость никак не проходила. Хорошо, хоть Артур с пониманием принимал все выпады Никита в свой адрес. Иначе не миновать ссоры. Ни Пётр, ни Андрей не знали причину злости Никиты. Но Артур знал. Он опасался, что Никита разозлится и всё расскажет Петру. Последствия могли стать

для него весьма печальными. Артур успел тысячу раз пожалеть о том злосчастном поцелуе. И не потому что, он не желал Анну. Он желал ей сильнее чем когда бы то ни было. Но страх перед ответными действиями Петра был гораздо сильнее. Артур знал, что Пётр не простит ему этого поцелуя. И он, возможно, не стал бы драться на кулаках. Пётр вполне мог вызвать его на дуэль. И тогда Артур оказался бы перед выбором: Бесчестье или смерть! Пётр стрелял великолепно. Он никогда не промахивался. Артур тому был сам свидетелем не однажды. Сам он так и не научился толком стрелять и не представлял угрозы для любого серьёзного противника. Именно страх раз за разом заставлял его смолкать перед Никитой. Он надеялся, что они попадут на один корабль. Но только вдвоём. Без Петра и Андрея. Потому что, Андрей, несмотря на свою изнеженность, обладал столь же сильным характером, как и Пётр. Он мог рассказать Петру, а мог и сам за него ответить. Этих двоих стоило опасаться. А с Никитой он бы поладил. При всей своей злости, это был добряк, который не представлял бы для него опасности, не стань он свидетелем того злосчастного поцелуя.

Обо всём этом думал Артур, следуя позади Никиты. Никита сам ускорил шаг, чтобы не идти рядом с Артуром.

Один за другим все четверо, в приподнятом настроении вошли в штаб. Здесь все выглядели ещё более мрачными. Приметив дежурного офицера по штабу, все четверо направились к нему и чётко, по-военному доложили о прибытии.

– На корабли желаете получить назначение? – переспросил их дежурный офицер и коротко бросил. – Следуйте за мной.

Он вывел всех четверых на балкон, откуда открывался великолепный вид на Севастопольскую бухту. В бухте красовалась целая эскадра, состоящая из линейных кораблей и фрегатов. У всех кораблей паруса были подняты. Казалось ещё мгновение, и они ринутся вперёд, навстречу морской стихии.

Раздался пушечный выстрел. Ядро повредило мачту одного из фрегатов. Все четверо поддались вперед, словно не веря своим глазам. В этот момент началась канонада. Один за другим ядра летели в сторону кораблей, разрывая их на части. Канонада стихла так же внезапно, как и началась. Повреждённые огнём орудий, корабли эскадры стали медленно погружаться в воду.

– Пойдёте на второй бастион, – сказал им дежурный офицер, – там сейчас двадцать орудий. Людей не хватает.

– Позвольте, – заволновался Артур. – Как на второй бастион? Я же морской офицер...

– Здесь все морские офицеры, – оборвал его дежурный офицер. – Но у нас больше нет флота. Поэтому будем воевать на суше. Я подпишу приказ. Оставайтесь здесь.

Они остались вчетвером. Артур никак не мог успокоиться.

– Так нельзя, – повторял он, – нас обязаны отправить на

корабли. Я не хочу и не могу воевать на суше.

– Замолчал бы что ли, – закричал на него Никита, – и так на душе тошно, а тут ты ещё ноешь. Морской офицер? Куда поставят там и будешь сражаться.

Несмотря на гнетущую обстановку, Пётр с Андреем невольно улыбнулись. Вот уж от кого, а от Никиты они не ожидали услышать таких слов. Судя по всему, среди них всех, он единственный сохранял присутствия духа. Пётр и Андрей ничего не сказали, но и им было не по душе служить ан суше. Они всю жизнь мечтали о море. И вот тебе....домечтались. Но что оставалось делать? Следовало подчиниться приказу. Они рассуждали подобным образом, поскольку даже близко не подозревали, в каком тяжёлом состоянии находится Севастополь.

Вторым бастионом оказался укреплённый пункт на возвышенности. Насыпь из земли и песка разделённая на двадцать почти ровных частей с бойницами и проходами для подноса снарядов к орудиям. За насыпью стояли несколько землянок. Именно там отныне им предстояло жить. Артур был просто в ужасе от будущего места службы. Пока они осматривали укрепления, появился лысоватый мужчина средних лет в морском мундире капитан-лейтенанта.

– Командир второго бастиона, Ершов! – представился он. Все четверо вытянулись в струнку и доложили о своём прибытии с указанием фамилии и звания.

Ершов улыбнулся.

– Здесь в таких формальностях нет необходимости. Мы не на корабле, к величайшему сожалению. Устраивайтесь в офицерской землянке. Она у нас одна, но в ней достаточно места. Скоро обед. Мы все обедаем вместе. А вы как угодно. В общем располагайтесь. И особо не высовывайтесь. Время от времени нас обстреливают. Впрочем, вы скоро сами со всем убедитесь.

– Мне это место не нравится, – пробормотал Артур, оглядываясь вокруг себя.

Они выглядели совсем не привычно среди прочих солдат и офицеров. И тому причиной были новенькие мундиры, которые никак не вязались с запыленной, а порой и грязной формой прочих сослуживцев.

Сделав глубокий вздох, Пётр пошёл первым делом знакомиться с офицерами. Чуть помедлив, за ним последовали Андрей и Никита. Последним поплёлся Артур.

Глава 16

Раздался оглушительный вой, а вслед за ним земля содрогнулась от взрывов. Вся землянка мгновенно ожила. Пётр выскочил босой в одной рубашке и несмотря на холод, ветер и взрывы во всю прыть устремился к «левому борту», как называли орудия расположенные с левой стороны. Он подбежал к одному из орудий и сразу же взобрался на насыпь, чтобы увидеть, где находится противник. Его кто-то схватил сзади, стащил вниз, а в следующее мгновение, накрыл своим телом. Рядом, очень близко раздался мощный взрыв. В ушах Петра зазвенело. Он попытался подняться, но его не отпускали. Следом раздалось ещё два взрыва.

– Они всегда стреляют по три раза. Хитрые больно, – раздался голос его спасителя. Он откатился в сторону и помог Петру подняться. Пётр посмотрел на насыпь, потом посмотрел на воронку позади насыпи. Не оставалось сомнений в том, что это рядовой спас ему жизнь. Но благодарить, не было времени.

– К орудию! – закричал Пётр, первым бросаясь выполнять свой приказ. Его спаситель не отставал от него и всё время подсказывал, что нужно делать. Вот и первый выстрел по наступающим цепям противника. Пётр поднёс фитиль к орудию. Раздался грохот. Орудия откатилось назад. Выстрел следовал за выстрелом. В перерывах между выстрела-

ми, Пётр вставал на коленки и смотрел в бойницу, по совету того же рядового. Потом снова подносил фитиль к орудию. Он никого не замечал вокруг. Только просил снаряды. Вокруг всё заволокло дымом. Над всем бастионом непрерывно грохотали орудия. И не только над бастионом. Канонада доносилась и спереди и справа.

Орудие раскалилось докрасна от выстрелов. Пётр в очередной раз хотел поднести фитиль, но его остановил спокойный голос Ершова:

– С таким рвением, вы всех нас погубите! Надобно охладить орудие. Да и вам надобно охладиться!

Ершов ушёл. Пётр отложил фитиль в сторону и снова взглянул на своего спасителя. Тот успел откуда-то притащить ведро воды и сразу окатил им пушку. Она зашипела в ответ.

Спасителю Петра на вид было около сорока лет. Это был бородатый мужчина с блестящими глазами. Его глаза постоянно блестели. Чувствовалось, что он радуется возможности сразиться с противником. Пётр позавидовал ему. Мало что спас мою жизнь, да ещё и храбрец каких мало, – последний вывод он сделал, когда увидел, как этот самый спаситель поднялся и побежал по насыпи, открывая себя для выстрелов противника. Но канонада к тому времени стихла. И выстрелов не было слышно. Наступило временное затишье.

Рядом с Петром снова появился Ершов:

– Это Семён Постов. Держитесь от него подальше!

– Он мне жизнь спас! – Пётр не сумел сдержать негодования.

– Он же вас и под пули бросит, – резко ответил Ершов, – ещё недавно, он состоял в чине капитан-лейтенанта, Затем был разжалован за трусость.

– Невозможно. Он совсем не похож на труса.

– Постов уплыл на шлюпке один. Он бросил своих товарищей умирать в холодной воде. За то и был разжалован. Имейте это в виду, лейтенант Азанчеев.

Пётр проводил взглядом уходящего Ершова, потом посмотрел на насыпь. Постова там уже не было. Потом огляделся по сторонам. Особого ущерба бомбардировка не нанесла. Даже раненых в пределах видимости не наблюдалось. Впереди сновали солдаты. Они то и дело подносили заряды к орудиям. Рядом с ним неожиданно возник мальчик. Он протянул Петру кувшин с водой. Вид кувшина вызвал у Петра жажду. Он приложился к горлышку и очень долго пил. Потом вернул кувшин обратно и поблагодарил мальчика. Тот ничего не ответил. Просто побежал дальше. Сквозь дым проступили очертания Никиты и Андрея:

– Ты чего босой? Холодно ведь?! – ещё издали радостно закричал Андрей.

Никита и Андрей подбежали и начали обнимать его так, словно не ночевали вместе в землянке, а не виделись несколько лет. Пётр тоже обнимал их и смеялся. Это был их первый бой и все остались живы.

Эту картину с улыбкой наблюдал Ершов и его заместитель, поручик Есаулов.

– Какого мнения о новичках? – спросил Есаулов, вместе с Ершовым наблюдая за встречей друзей.

– Радуются как дети, – Ершов широко заулыбался. – Впервые порох понюхали, оттого и радуются. И что тут скажешь? Молодцы все трое. Анчуков и Акатьев сразу побежали помогать бомбардирам, а этот, – Ершов указал на Петра, – сам встал у орудия. Вроде, как и бомбардировать толком не умеет, но не сдаётся. Напором берёт.

– Азанчеев, первым побежал среди офицеров!

– Вот, вот, – оживился Ершов, – о том и говорю. Первым и будет в бою. За чужими спинами прятаться не станет, как этот... как его?

– Лейтенант Астольц! – подсказал Есаулов.

– Нашёлся-то лейтенант?

– Нашёлся. Говорит, живот прихватило, вот и не успел вместе со всеми.

– Понятное дело. Чего ещё могло случиться?

– Что будем с ним делать? С Астольцом?

– Дай ему немного времени. Пусть освоится. Нелегко ведь ему. На корабле собирался служить, а тут на тебе и в помощники к бомбардиру. Дадим время, поможем. Пусть освоится. Самого наверное, совесть мучает.

Внезапно снова раздался рёв. Снаряды начали ложиться рядом с бастионом. Все бросились к орудиям и открыли от-

ветный огонь по батареям противника. С той стороны снова стихла канонада. И сразу на бастион были брошены цепи пехоты и кавалерия. Орудия вели почти непрерывный огонь, не позволяя противнику приблизиться. Цепи поднимались три раза и три раза отступали. Лишь к вечеру бой начал утихать. Пришло сообщение о том, что противник перебрасывает большие силы, включая много орудий. Битва только начиналась и все это хорошо понимали. Поздней ночью, Пётр, Андрей и Никита, сели писать письма домой. Артура не было. Он занимался подвозом бомб до самого утра. А потом, не выспавшись, побежал вместе со всеми отражать очередную атаку противника.

– Я же сказал, подтянется, – сказал Ершов, наблюдая за действиями Астольца.

Второй день пребывания на бастионе оказался гораздо тяжелее первого. Бомбардировки позиций второго бастиона прекращались только для того, чтобы пехота могла пойти в атаку. Создавалось ощущение, что к противнику постоянно прибывают свежие силы. Несмотря на явное преимущество противника, особенно в батареях, атаки отбивались одна за другой. К вечеру противник снова откатился и затих. Все уже посчитали бой завершённым, когда прямо на позиции разорвались несколько снарядов. Два офицера были убиты прямым попаданием и ещё семь человек ранены. Среди них оказался и Андрей Акатьев. Осколки раздробили левую ногу. Когда Пётр, Никита и Артур прибежал к нему, Андрей

сидел на земле и держась за окровавленную ногу постоянно стонал. Ногу Андрея быстро перевязали, а потом сразу уложили на носилки. Ранение оказалось весьма тяжёлым.

– Отвоевался! – раздался чей-то голос.

Пётр и Никита сами несли носилки с Андреем. Они же его бережно уложили в повозку и ободряли как только возможно до самого отъезда. А перед тем как лошадь тронулась, они по очереди обняли Андрея и пожелали скорейшего выздоровления.

За всей этой сценой следил Артур.

– Вот он, путь домой! – думал он, глядя как увозят Андрея. – И честь свою сохраняю...и рядом с Анной буду, пока Никита с Петром живот будут надрывать. А может, и сгинут здесь. Он только сейчас мог признаться себе, что всегда желал смерти Петру. Он его ненавидел. Ненавидел всегда. Может поэтому и подружился. Он завидовал всему, что имелось у Петра, и никогда не было бы у него самого. Начиная от дома и богатства заканчивая Анной.

Оставалось только обдумать детали, чтобы никто не догадался о подлинной причине его ранения. Но и здесь ему повезло. Даже придумывать ничего не пришлось. Он услышал, как возле него обсуждали ночную вылазку в стан противника. Целью была батарея противника.

– Ночная вылазка? Конечно, – обрадовался в душе Астольц. Оставалось только выбрать подходящее время и осуществить свою идею.

Глава 17

– Что? – весь облик Ольги Владимировны выражал вопрос. Она стояла в холле и ждала, когда Олег заговорит.

Олег позволил слуге помочь снять с себя куртку. Только после этого он ответил:

– Это Андрей Акатьев. Он ранен. В ногу ранен. Везут домой. Отвоевался. С Петром, Никитой и Артуром всё в порядке. Воюют вместе. Держатся друг друга. Да Андрей сам всё расскажет. А пока только отписал домой, чтобы не беспокоились.

Ольга Владимировна вздохнула с величайшим облегчением. Последние несколько дней, только и носились слухи о гибели кого-то из кадетов, отправленных на службу в Севастополь.

– Слава Богу, Пётр жив и здоров!

– Там ужас что творится, – говорил Олег, направляясь вслед за матерью в гостиную, – французы англичане спешат взять Севастополь. Город осадили. Измором решили взять. Да и этого мало показалось. Каждый день бомбардируют по несколько часов. Но наша армия держится. Да об этом весь город говорит. До чего там город, – Олег махнул рукой и сел в кресло, рядом с камином. – Вся Россия говорит.

– Что будет? Что будет? – взволнованно повторила Ольга Владимировна. – Сил сколько навалилось. Выдержим ли?

– И не такое выдерживали, – уверенно ответил Олег, – но будет нелегко. Вон, французов сколько нашло. Тьма. Да ещё и англичан с турками. Нелегко будет, – повторил Олег.

– Дай-то Бог, – поддержала сына Ольга Владимировна, – уж и годов несколько спокойно прожить невозможно. Всё война да война. Сил нет терпеть.

– То не наша вина!

В дверях показалась Лиза.

– Анна Анчукова пожаловали! – сообщила она.

Ольга Владимировна мгновенно нахмурилась. Олег от-
вернулся и устремил взгляд на горящий огонь в камине. На
пороге появилась Анна Анчукова:

– Я хотела попросить у вас прощения, – не входя в гости-
ную, сказала Анна, – я пришла попросить прощения. Чтобы
вы не сказали, я приму с покорностью.

– Зачем вы здесь? Разве я не запретила вам приходить в
наш дом? – резко спросила Ольга Владимировна.

– Прошу прощения за то, что посмела ослушаться вашего
приказа, но мне невозможно было не прийти. До нас дошли
слухи о ранение Петра...

– Он здоров и прекрасно себя чувствует. А если вы оста-
вите его в покое, будет лучше чувствовать ещё лучше! – тон
Ольги Владимировны был всё так же резок.

– С ним всё хорошо? Правда? Я просто хотела убедить-
ся. Простите меня. Позвольте мне хотя бы изредка навещать
вас. Мы бы могли разговаривать о Петре. Я так по нему ску-

чаю...

– Прочь! Немедленно! – вскакивая с места, закричала Ольга Владимировна. – Никогда! Слышите? Никогда я не позволю вам приблизиться к моему сыну. Прочь! И не смейте никогда появляться в этом доме.

– Простите меня, простите. Я не знаю, почему вы на меня злитесь, но подчинюсь вашему приказу – сказала Анна и с самым разбитым видом ушла.

– Бессовестная лицемерка! – Ольга Владимировна ходила по гостиной и никак не могла успокоиться. – Как она посмела только явиться в наш дом после всего, что произошло?!

Анна вышла из дома и села в карету. Как только дверца захлопнулась, лицо её искривила злая гримаса:

– погоди у меня старая ведьма. Я покажу тебе «прочь»! Ты вместе со своим сыном Олегом ещё милостыню просить будете. Уничтожу вас! Уничтожу!

На самом деле, Анна и не собиралась просить прощения. Она устроила весь этот театр единственно для слуг. Они всё слышали и наверняка начнут судачить по всем углам. Скоро весь город узнает, какая она, Ольга Владимировна Азанчеева. Да и будет кому подтвердить её слова когда Пётр вернётся. Анна шаг за шагом окутывала паутиной семью Азанчеевых, но ни Олег, ни Ольга Владимировна этого не замечали.

Глава 18

Лето набирало силу. Всё время стояла жара. В доме семейства Лукас почти ничего не изменилось. Все дружно готовили запасы на зиму. Это касалось как дров, так и съестных припасов. Впрочем, исключение всё же имелось. Анна всё чаще и чаще проводила время, посещая разные увеселительные места в Павловске. Эти посещения носили достойный характер. Анна всегда возвращалась рано и никогда не позволяла себе ничего лишнего. Она прекрасно понимала, что у неё мало надежды, подыскать достойную партию. А в случае появления слухов она могла лишиться и этой надежды. Ни отец, ни сёстры не мешали ей заниматься поиском мужа, хотя и не одобряли её поведения. Но что ещё оставалось делать? Этот вопрос и заставлял всех мириться с поведением Анны. День проходил в трудах, а вечером вся семья собиралась за чаем и обсуждала следующий день.

Иоганн Лукас почти каждый день по несколько часов проводил в лазарете. Большей частью именно с помощью его усилий эпидемия брюшного тифа не получила распространение. Больше того она медленно уходила из жизни города.

Иоганн Лукас не раз порывался поговорить с Катариной, но она всякий раз уходила от откровенного разговора. И хотя внешне она никак не показывала свои чувства, отец снова оказался прав. День ото дня ей становилось всё хуже и хуже.

Её ничего не радовало. Она перестала спорить с сёстрами и говорила только тогда, когда ей задавали вопрос. Мысли о Петре постоянно владели ею и на мгновение не хотели опускаться. Порою она вообще никого не замечала. Такое поведение не могло остаться незамеченным. Не только отец, но и сёстры начали догадываться о причинах её постоянной печали. Катарина без устали трудилась весь день, а ночью когда все засыпали, она рисовала. Рисовала снова и снова портрет Петра. Так происходило и этой ночью.

Русская печь едва слышно потрескивала, отбрасывая отблески пламени на деревянный пол и наполняя избу теплом. Рядом с печью лежала охапка дров. На печи весело пыхтел чайник.

Дверь, скрипнув, приоткрылась. На пороге показалась Катарина, облачённая в ночную рубашку, босая с распущенными волосами. В руках она держала подсвечник с одиноко горевшей свечой. Катарина бесшумно выскользнула из комнаты и тихо затворила за собой дверь. Затем крадучись обошла печь и склонилась над сундуком, в котором они хранили старые вещи. Она поставила подсвечник на пол, открыла крышку сундука и покопавшись извлекла оттуда деревянный ларец. Оставив крышку сундука открытой, она прижала ларчик к груди, подняла подсвечник и направилась к столу. Здесь она остановилась и прислушалась. Тишина успокоила её. Катарина поставила подсвечник на стол, затем села и открыла ларчик. Крышка бесшумно откинулась, открывая

взгляду стопку ровно нарезанной бумаги, рисунки и несколько карандашей. Первым делом Катарина извлекла карандаши. Вслед за ними, она извлекла рисунки и разложила их перед собой.

Все рисунки выглядели одинаково. Они изображали лицо молодого человека с самых разных сторон. Неизменными оставались только глаза. Они светились от счастья. И это, несомненно, был Пётр. По мере того как Катарина смотрела на рисунки выражение её лица менялось. Проходили минуты, но она смотрела и смотрела на свои рисунки. Смотрела с глубокой нежностью и улыбалась. Пламя свечи освещало глаза Катарины полные любви. В эти мгновения, Пётр был с ней рядом. Рисунки оживали и разговаривали с ней. Катарина слушала и отвечала. Шёпотом отвечала, чтобы никто в доме не мог её услышать. Она долго разговаривала с Петром, а потом достала из шкатулки чистый лист, взяла карандаш и начала рисовать новый образ, который подсказало ей воображение. Лицо Петра появлялось и исчезало среди снежной вьюги. Именно этот образ она хотела запечатлеть.

Катарина настолько увлеклась рисованием, что не услышала шаги отца.

Снаружи хлопнула дверь, а следом раздался грохот. Катарина выбежала в сени и сразу же замерла. Перед дверью лежал отец. Он был без сознания. Катарина бросилась на колени рядом с ним и сразу приложила руку ко лбу. Следом появились заспанные Анна и Мария. Увидев отца лежащим

на полу, обе испуганно закричали.

– У него высокая температура, – встревоженно сообщила Катарина, – надо уложить его в постель и накрыть одеялами.

Они втроём не без труда отнесли отца в его комнату и положили на постель. Катарина взяла одеяло, чтобы укрыть отца и тут её взгляд упал на живот. Она отбросила одеяло и стала быстро раздевать отца. Вначале на пол полетел сюртук, потом жилет и рубашка. Обнажив отца до пояса, Катарина издала испуганный крик. Живот был вздут, а на груди виднелась отчётливая сыпь.

– Только не это, – прошептала Катарина и тут же радостно вскричала, – язык, надо ещё посмотреть язык... если не будет сыпи...свечи, принесите свечи...

Мария бросилась вон и почти сразу же вернулась с подсвечником в руках. Она встала с ним над головой отца, а Катарина приоткрыла его рот и заглянула внутрь. В глаза бросился тёмный налёт на языке.

– Брюшной тиф... – Катарина без сил опустилась на край постели и бессильно опустила руки на колени.

– Папа, папа, – Анна и Мария одновременно зарыдали.

– Замолчите, – закричала на них Катарина, – он ещё не умер и не умрёт. – она оглянулась по сторонам, – конечно, у нас есть корни «Аира». Разбавьте уксус с водой, оботрите им всё тело и переоденьте в тёплую одежду. А я пока готовлю лекарство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.